

ЭПИГРАФИКА ВОСТОКА

XXII

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
АКАДЕМИКА Б. Б. ПИОТРОВСКОГО

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1984

В. Д. ГОРЯЧЕВА, В. Н. НАСТИЧ

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ САФИД-БУЛАНА XII—XIV вв.

В 1971 г. нами проводилось археолого-архитектурное обследование мавзолея Шах-Фазил и археолого-топографическое изучение окружающей его местности.¹ Этот уникальный памятник средневекового зодчества Киргизии расположен на территории огромного кладбища, раскинувшегося на северо-восточной окраине с. Мазар (бывш. Сафид-Булан²) в Ошской области. Находясь у перекрестка авто-страд, соединяющих различные районы Ферганы и Северной Киргизии, мавзолей Шах-Фазил вместе с окружающим его кладбищем пользуется широкой известностью у населения и до недавнего времени являлся местом паломничества мусульман почти всей Ферганской долины.

Средневековое кладбище занимает площадь около 2 га и наряду с новым функционирует до сих пор. Намогильные камни с древних захоронений, по сообщениям старожилов, уже в конце XIX в. были перенесены к главной святыне — мавзолею Шах-Фазил — и помещены внутри его и снаружи, рядом с надгробиями местных шейхов. Установлено также, что сохранившиеся до настоящего времени кайраки — лишь малая часть тех, которые находились там еще в прошлом столетии: многие камни исчезли или же были сильно повреждены.

Еще в 80-х гг. прошлого века известный среднеазиатский краевед Н. А. Арванитакис, занимавший должность начальника Чустского уезда Ферганской области, по надписям на

кайраках датировал сафид-буланское кладбище XIII—XIV вв.³ Снятые им копии текстов осмотрел в свое время Н. И. Веселовский, отметивший «массу надгробных камней с именами шейхов». Древнейшие из кайраков отнесены им к середине VI/XII в., наиболее поздние — к IX/XV в.⁴

Надпись на одном из намогильных камней, наиболее примечательным своим художественным и каллиграфическим оформлением (см. кайрак № 7), по слепку, сделанному в 1925 г. Е. К. Бетгером, прочел В. В. Бартольд. Он указал, что надгробие принадлежит ученому из Испид-Булана Мухаммаду ибн Давуду.⁵

Надпись на этом кайраке вместе с шестью другими эпиграфическими памятниками из Сафид-Булана была прочтена и опубликована М. М. Дьяконовым по эстампам, снятым в 1946 г. А. Н. Бернштамом.⁶ В публикации дается подробный разбор текстов эпитафий, анализируются мусульманские термины и титулатура духовных лиц, отмечается наличие в родословной погребенных тюркских имен, делается ряд интересных и важных выводов по истории края и культурной жизни его обитателей, в частности о наличии городской торгово-ремесленной среды суфиев. Однако, как замечает сам автор, эстампажи были утрачены, поэтому остались неуточненными особенности почерков надписей⁷ и не разобраны отдельные слова.

При обследовании текстов намогильников, сопровождавшемся их тщательной прорисовкой и фотографированием, и особенно при последующем кабинетном анализе выяснилось, что

¹ Выявление, фиксация и съемка надписей В. Д. Горячевой; ей же принадлежат вводная и заключительная части настоящей публикации. Расшифровка, чтение, перевод надписей, комментарии к ним и общая редакция осуществлены В. Н. Настичем.

² В научной и научно-популярной литературе о памятнике Шах-Фазил обычно приводится искаженное наименование этого поселения: Сафид-Булеид, Софит-Булеид, Сафид-Буляид (см.: Щербина-Крамаренко Н. Н. По мусульманским святыням Средней Азии: Путевые заметки и впечатления. — Справочная книжка Самарканд. обл., Ташкент, 1896, вып. 4, отд. 4, с. 50—53; Засадки Б. Н. Памятники Касана и Софит-Булеида. — Східний світ, 1929, № 3 (9), с. 188—193; Бернштам А. Н. Архитектурные памятники Киргизии. М., 1950, с. 86—95).

³ Рапорт начальника Чустского уезда Н. А. Арванитакиса военному губернатору Ферганской области от 6 декабря 1884 г. — ЦГА УзССР, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 4642, л. 29. — Авторы приносят благодарность Б. Д. Кочеву за указание на этот фонд.

⁴ Веселовский Н. И. Дагдид. — ЗВРАО, 1888, т. 3, вып. 1—2, с. 89.

⁵ Из письма Е. К. Бетгера по поводу кайраков из Киргизии. — ЭВ, 1951, вып. 5, с. 134.

⁶ Дьяконов М. М. Несколько надписей на кайраках из Киргизии. — ЭВ, 1948, вып. 2, с. 9—15.

⁷ Там же, с. 9.

в некоторых случаях наше чтение эпитафий расходится с чтением и переводом, предложенными М. М. Дьяконовым (кайраки № 5, 6); несколько надписей нуждается в отдельных поправках (№ 1—3) или же требует значительных дополнений (№ 4), поэтому мы сочли целесообразным не ограничиваться лишь изданием новых надписей, а дать полную публикацию всех эпиграфических памятников из Сафид-Булана, которые в настоящее время представлены 14 целыми камнями и двумя обломками. Нами принята новая систематизация памятников, построенная по хронологическому принципу; номера кайраков, опубликованных М. М. Дьяконовым, не совпадают с нашими и даны в скобках.

Кайрак № 7 на месте, указанном М. М. Дьяконовым, нами не обнаружен. Условно отмечая его под № 15, в целях сохранения сводного принципа публикации мы повторяем текст и перевод, предложенные Дьяконовым.⁸ То же касается и намогильника № 16, копия текста которого без перевода и каких-либо описаний, помимо указания о принадлежности этого памятника мавзолю Шах-Фазил, обнаружена в полевод дневнике Б. Н. Засыпкина, проводившего археолого-архитектурные работы на мавзолее в 1947—1951 гг.;⁹ здесь помещены текст надписи и его перевод, сделанный нами.

Все сохранившиеся кайраки представляют собой плоские гальки темно-серого или слегка голубоватого цвета с коричневым оттенком «пустынного загара», различной конфигурации и величины: в среднем от 40 до 60 см в высоту и 20—45 см в ширину; размеры обломков — 20—25 см.

Кайрак № 1 (по М. М. Дьяконову — № 2). Прологоватый камень, расширенный в верхней части (рис. 1, а). Текст исполнен непрофессиональной, но старательной рукой крупным почерком «наск» с заметным влиянием куфического стиля. Под буквами «дәл», «рә» и «сәд» поставлены точки, а над «син» — значок, напоминающий ташид (س). Буквы двух последних строк, содержащих дату надписи, более мелкие. Грамматические особенности (изафетная конструкция без артикля), орфография и диакритика отдельных слов (صاين, هيبت) определенно свидетельствуют о влиянии персидской языковой нормы. Без обрамления.

قبر
خواجه اجل
صاين فخر التجار
محمد بن هيبت الله

[5] الخوي فخر الله له
[6] سنة ست وسبعين
[7] وخمس مائة

- [1] Могила
- [2] ухаживающий славнейшего,
- [3] заботливого,⁸ славы купцов,
- [4] Мухаммада сына Хайбаталлаха,⁶
- [5] ал-Ху'и, да простит его Аллах!
- [6—7] В году пятьсот семьдесят шестом [1180—81 г.).

Комментарий. «Возможно и другое значение слова صاين — «непорочный». М. М. Дьяконов читал это имя как «Хайдараллах», допуская возможность ошибки в его орфографии.¹⁰ Между тем здесь отмечается только графическое искажение: конечное *ه* в слове *هيبت* растянуто на персидский манер и имеет необычное соединение с предыдущей буквой — в средней части снизу. Точная постановка диакритических точек в этом слове, как, впрочем, и во всем тексте, вопреки мнению Дьяконова, свидетельствует о достаточной грамотности исполнителя надписи.

Кайрак № 2 (по М. М. Дьяконову — № 1). Широкая галька подпрямоугольных форм с сужением книзу (рис. 2, а). Надпись выполнена профессиональной рукой, почерк — красивый каллиграфический «слегка цветущий» куфи угловатых очертаний, с диакритическими точками. Характерно употребление точки под буквами «дәл» и «рә» и трех точек под «син». Без обрамления.

الله باقي
[1] معين اعان الاسلام واكره
[2] الاثم واظم الطعام وحج
[3] بيت الحرام وزار قبر محمد عليه السلام
[4] فرحمه الله وهو محمد بن محمود بن احمد بن
[5] محمود بن اشعث بن منصور بن حمد بن ابي
[6] صالح بن انزك بن ارسلان المعروف بجعاج
[7] معين الصابوني غفره الله واجداده وحفظ
[8] عن المكاره اولاده في الثالث
[9] وعشرين من شوال سنة اربع وتسعين
[10] وخمس مائة

- [1] Аллах вечен!
- [2] Помошник, [который] помогал исламу и почитал
- [3] людей, и кормил пищей, и совершал паломничество
- [4] в Запретный дом,⁸ и посещал могилу Мухаммада, [да будет] мир над ним! —
- [5] [да помилует его Аллах!]⁶ А он — Мухаммад сын Махмуда сына Ахмада сына
- [6] Махмуда сына Ам'аса сына Мансура сына Хамада сына Абу
- [7] Салиха сына Анзака (?)⁸ сына Арслана, известного как Хадждадж

⁸ Там же, с. 11.

⁹ ЦГА УзССР, ф. 2406, оп. 1, ед. хр. 80, л. 16.

¹⁰ Дьяконов М. М. Несколько надписей... с. 10, 13.

Рис. 1. Кайраки из Сафид-Булана.

a — № 1; б — № 6; в — № 7; г — № 14.

[8] Му'ин ас-Сабуни, да прости Аллах его и предков его* и да убережет [9—11] от нечестия сыновей его! Двадцать третьего шаввала года пятьсот девяносто четвертого (28 августа 1198 г.).

Комментарий. *Ка'бу в Мекке. «Благопожелание, относящееся к самому покойному, в отличие от предыдущего *عنه السلام*, обязательного при упоминании имени пророка. »В этом имени точны над буквами поставлены так, что его можно читать и как *اترك* 'Атрак' и видеть в таком чтении имя тюркского происхождения; ср. зафиксированное у Махмуда Кашгарского *eträk* 'желтый, рыжий'.¹¹ Можно предположить также чтение *etrük* 'Этрюк' (имя собственное, отмеченное в рунической надписи из Тувы),¹² хотя для этой версии следовало бы ожидать обозначения фонемы *ü* в графике слова *اترك*. Слово *الله*, пропущенное при составлении текста и выбитое позднее над строкой, нарушает грамматику фразы. Правильно должно быть так: *غفر الله له وأجداده*.

Необычно длинная кунья, восходящая по крайней мере к середине X в., очевидно, призвана подчеркнуть не только тюркское происхождение покойного, но и его знатность как потомственного мусульманина. Слово *معين* 'помощник', которым начинается эпитафия, явно перекликается с лакабом Му'ин.

Кайрак № 3. Надпись на продолговатой гальке примитивным наском с элементами куфи, без диакритики. Две последние строки сильно повреждены сколами. Без обрамления.

[1] هذا قبر حيدر بن عمر بن
[2] احمد لا تسالحي (?)
[3] غفر الله له ولوالديه
[4] فإني منتصف من رجب سنة
[5] ٥٠٠... بن وخمسائة

[1] Это могила Хайдар сына 'Умара сына
[2] Ахмада ал-... (?).¹³
[3] да прости Аллах его и его родителей!
[4] В [середине] раджаба года
[5] пятьсот...

Комментарий. *Точное чтение слова (нисба или лакаб) невозможно из-за графических искажений и отсутствия диакритики. В качестве лакаба здесь с большим сомнением можно предположить персидское *آسياجي* 'мельник'.

По остаткам даты и палеографическим данным, надпись относится к концу XII—первым годам XIII в.

Кайрак № 4. Галька неправильной четырехугольной формы (рис. 2, 6). Надпись ровным скорописным сульсом среднего качества, за-

ключенная в фигурную рамку с арочным завершением и полупальметками на верхних углах. Буквы 'д'ал' и 'р'а' отмечены одной, а 'ейн' — тремя точками снизу. Над словом *نوست* в строке 4 — орнаментальная виветка. Начало строки 4 повреждено и частично неразборчиво.

[1] هذا قبر
[2] الشيخ الامام الاجل السعيد الشهيد
[3] شرف الملة والد ابن عزيز الاسلام والمسلمين محمد
[4] بن ابي بكرين
[5] عمه ابو اعرف (?) حجاج باب نوست تغفده الله
بالرحمة والرضوان
[6] وقد استشهد في يوم الجمعة في عشر من شهر
جمادي الآخر
[7] سنة ثمان وستة (1)

[1] Это могила
[2] шейха, имама славнейшего, счастливого, мученика за веру,
[3] чести общины и веры, любимца ислама и мусульман, Мухаммада сына Абу Бакра сына¹⁴
[4] 'Умара... известного [как] (?)¹⁵ Хаджаджа Ба-и Дуст, да облегчит его Аллах милостью и благосклонностью!
[5] Погиб в день пятницы, в десятую часть (?)¹⁶ месяца джумада ал-ахир
[6] года шестьсот восьмого (11 ноября — 2 декабря 1211 г.).

Комментарий. *Слово *بن* выбито вертикально мелким почерком. *Текст испорчен. *Учитывая частные грамматические погрешности в среднеазиатских надписях, здесь можно допустить чтение даты и как «десятого [числа]», т. е. 19 ноября, приходящегося на субботу по мекканскому календарю.¹⁷ Аналогичное расхождение в счете дней отмечено в эпитафии № 10 (см. с. 69).

Определенный интерес вызывает дата надписи в сочетании с фактом «гибели за веру» покойного, по всей видимости, связанной с известными политическими событиями, происходившими в тот период в Средней Азии и Восточном Туркестане.¹⁸

Кайрак № 5. Трапециевидная галька с выдулой передней частью (рис. 2, 6). Надпись почерком группы «сульс», в последних строках принимающим вид беглого курсива без точек. Под слагом обычно проставлено по три точки. Камень имеет несколько глубоких сколов, двумя из которых сильно поврежден текст; судя по расположению последних строк надписи, дефект в нижней части гальки существо-

¹³ Исчислено по: Цыбульский В. В. Современные календари стран Ближнего и Среднего Востока: Синхронист. табл. и пояснения. М., 1964, с. 60.

¹⁴ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — Соч. М., 1963, т. 1, с. 426—433.

¹¹ Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 188.

¹² Там же.

^{13/5} Эпиграфика Востока, XXII

вал еще до изготовления текста, но потом от камня был отколот еще кусок, унесший часть надписи. Без обрамления.

- [1] هذا قبر الشيخ الامام
- [2] الاجل العالم العامل الزاهد الماتع
- [3] الفقيه النبيه التقى النقى سراج الملة والدين
- [4] ماغتيا (2)
- [5] الاسلام والمسلمين جمال الائمة في العالمين
- [6] ناصح
- [7] الامة ناصر السنة مرضى السيرة محمود الاثر شمس
- [8] العلما جمال
- [9] الفقهاء المواقب والمجاهر (1) المسمى مسعود بن
- [10] محمود
- [11] الاذى (2) طبيب الله ثراه وجعل الجنة مثواه...
- [12] ... نب و معنى عنه سانه
- [13] ... و كرمه العميم فى تاريخ
- [14] ثامن عشرة من جماد (1) الاول
- [15] سنة تسع و ثلثين وست مائة (1)

- [1] Это могила шейха, имама.
- [2] славнейшего, мудрого, деятельного, праведного, истинно верующего,
- [3] законооведа просвещенного, богобоязненного, непорочного, светоча общины и веры, муфтия (?)
- [4] ислама и мусульман, украшения имамов в обоих мирах, наставника
- [5] общины, утверждающего сунну, угодного поведением, похвального деянием, солнца ученых, украшения
- [6] законоведов, обладателя достоинства и добродетелей, называемого Мас'удом сыном Махмуда
- [7] ал-...з...кй, да смягчит Аллах землю его и назначит райский сад его [постоянным] жилищем, и...
- [8] ...и да удалит от него ненавистника его
- [9] ...и да почитит его народ! Числа
- [10] восемнадцатого, месяца джумада * ал-аввал
- [11] года шестьсот тридцать девятого (24 ноября 1241 г.).

Комментарий. *Слово الزاهد переведенное М. М. Дьяковым и нами в этом и нескольких других кайраках (№ 6, 7, 12 и 16) как «праведный», имеет в суфийской терминологии более конкретный смысл — «аскет, подвижник, отрешившийся от мирских желаний».¹⁵ Или «убежденного в истине». Словом «мухадди» в ортодоксальном исламе обозначались приверженцы безусловной веры, в отличие от мутааллимов, пытавшихся рационально обосновать религиозные концепции.¹⁶ Вместо فدى, необходимого по конст-

рукции. *Точка под предпоследней буквой выбита явно по ошибке. Мы читаем здесь ماغثر. * Синонимично русскому «Да будет ему земля пухом!». * Выбито без точек, понято нами как شانه. * Передано с опущением конечного алфа максура.

Кайрак № 6 (по М. М. Дьякову — № 5). Широкая округлая галка (рис. 1, 6). Надпись ровным полукурсивным сульсом с лигатурами и непоследовательной диакритикой. Под буквами «даль» и «ра» обычно проставлены точки. В нескольких случаях алиф артикла помещен над следующим за ним лаом и соединен с ним своей нижней частью. Без обрамления.

- [1] هذا قبر الشيخ الاجل الاكرم الامجد الاطهر
- [2] الزاهد البارغ المتقى مجد الملة والدين
- [3] شيخ الاسلام والمسلمين مفتى الامة كاشف
- [4] الغمبة
- [5] استاذ الائمة زبدة الانام مبین الحلال والحرام ابن
- [6] الشيخ
- [7] الامام الهمام قوام السنة نظام الملة ناصر الشريعة
- [8] الخطب
- [9] الخطباء وهو ابن الشيخ الامام الفضل الاكمل نجم
- [10] الحق
- [11] والدين مفتى الغافقين الذى تلقى الفقه والنظر
- [12] من صدر صدور العالمين
- [13] برهان الملة والدين صاحب المحيط قدس الله
- [14] ارواحهم وقد توفى
- [15] مجد الله هذا المسمى ناصر بن محمد بن احمد
- [16] الغماني فى جمادى الاخر سنة خمس وست مائة

- [1] Это могила шейха славнейшего, благороднейшего, превосходнейшего, непорочнейшего,
- [2] праведного, сведущего, набожного, благочестивого, славы общины и веры,
- [3] шейха ислама и мусульман, муфтия общины, обнаруживающего сокровенное,
- [4] наставника имамов, лучшего из людей, разясняющего дозволенное и запретное, сына шейха,
- [5] имама достойного, опоры сунны, устроителя общины, защитника закона, красноречивейшего
- [6] из проповедников, а он — сын шейха, имама достойнейшего, совершеннейшего, звезды истины
- [7] и веры, муфтия обеих сторон горизонта, который воспринял знание и видение, от садра садров [всех] миров
- [8] Бурхан ал-милла ва-д-дина, автора «ал-Мухита», да освятит Аллах души их! И скончался он
- [9] да прославит Аллах этого называемого Насиром сыном Мухаммада сына Ахмада ал-Усмани — в [месяце] джумада ал-ахир года шестьсот пятидесятого (август—сентябрь 1252 г.).

¹⁵ Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII—XV вв. Л., 1966, с. 313.

¹⁶ Бартольд В. В. Учение мусульманского «ренессанса». — Соч. М., 1966, т. 6, с. 622—623.

Комментарий. *Собственно, еще раз «славнейшего». Или «избавляющего от печали»; ср. арабское благопожелание *كشف الله غمّه* 'Да устранил Аллах скорбь (печаль) его!'. *Вполне вероятно, что Наджм ал-хакк ва-д-дин был лакабом Ахмада — деда покойного. *Востока и Запада.¹⁷ *Добавлено позднее над строкой. *Здесь под терминами «фихх» 'знание; понимание' и «назр» 'разсуждение; видение' можно понимать методологические элементы мусульманской схоластической догматики, сочетавшей «объективные знания», основанное на безусловной вере, с умозрительным субъективным восприятием (ср. коммент. «б» к кайраку № 5). В суфийской гносеологии рациональное и эмоциональное восприятие реальности противопоставят трансцендентному «истинному познанию», являясь как бы его низшей ступенью.¹⁸ *Имеется в виду Бурхан ад-дин Махмуд ибн Ахмад (ум. 570/1174 г.), автор сочинения об основах ханифитского права «ал-Мухйи аз-Бурханий фи-л-фихх ан-Ну'маний», представитель могущественного рода Бурханидов, фактических правителей (садров) Бухары в XII—начале XIII в.¹⁹ *Первоначально это слово имело форму единственного числа *روحهم*, оба алифа вставлены позднее. *Нисба покойного помещена под строкой. Сверху, после имени *احمد*, мелким почерком добавлено еще раз *توفى* 'скончался'.

Кайрак № 7 (по М. М. Дьяконову — № 3). Вытянутая галка, сужающаяся книзу (рис. 1, е). Надпись великолепным каллиграфическим сульсом, переходящим в последних строках в безлугую лигатуру скорпионы. К индивидуальным особенностям почерка относятся простановки точки под буквой «дāl», перевернутой дужки (ˆ) под 'айном и огласовок (в основном фатха). Текст заключен в изящный пятиарочный картуш в две линии с фестончатыми переплетениями в верхней части, увенчанными крестообразными значками.

[1] هذا مرقد
[2] الشيخ الاجل العالم العابد الزاهد المتقى
[3] المجاهد المغنى قوام الملة والدين افتخار الواعظين
[4] ناصع المنين (=المسلمين) مغفر العلما مجمع الفضائل قاذون الفقاهة
[5] ابو المعاهد محمد بن داود الاسيدبلاني تقيمه الله برحمته
[6] توفى في جمادى الاخر من شهر سنة اربع وستين وستماية

¹⁷ Дьяконов М. М. Несколько надписей. ... с. 14.

¹⁸ Ср. цитату из Ибн ал-Араби в кн.: Фильшинский И. М., Шидфар Б. Я. Очерк арабо-мусульманской культуры (VII—XII вв.). М., 1971, с. 151—152. — Видимо, вернее говорить о противопоставлении фихха (права) как практической науки и теологии как теоретической. Суфийское толкование термина «назр» здесь представляется сомнительным. — *Примеч. ред.*

¹⁹ О бухарских садрах Бурханидах см.: Бартольд В. В. Бурхан. — Соч. М., 1964, т. 2, ч. 2, с. 515—518; Pritsak O. *Al-i Burhān*. — *Der Islam*, Berlin, 1952, Bd 30, S. 81—96.

[1] Это могила
[2] шейха, имама славнейшего, мудрого, преданного [Аллаху], праведного, благочестивого,

[3] поборника веры, муфтия, опоры общины и веры, славы проповедников,

[4] советника мусульман, гордости ученых, собрания совершенств, канона праведности,

[5] обладателя * достоинства, Мухаммада сына Да'уда ал-Исбидбулани, да облечет его Аллах своей милостью!

[6] Скончался в [месяце] джумадā ал-ахир из месяцев года шестьсот шестьдесят четвертого (март—апрель 1266 г.).

Комментарий. *Вместо *ابى*, необходимого по конструкции.

Кайрак № 8. Обломок неправильной формы, верхняя и нижняя части которого утрачены (рис. 2, з). Сохранилось частично восемь строк надписи, высеченной ровным красивым сульсом с лигатурами, во многом сходным с почерком предыдущей надписи и скорее всего сделанном той же рукой. Остатки орнаментального обрамления с арочным навершием.

[1] ... [الاعمال] (?)
[2] ... [الكامل] (?) المجمل الشامل شمس الملة
[3] *والدين افتخار الواعظين المسمى محمد بن الشيخ
[4] الامام الاجل الزاهد شرف الملة قارم
[5] البينة امين بن محمد بن غريب الحسن بن
[6] عثمان الاسيدبلاني تقيد الله بالرحمة والوضوان
[7] واسكنه معارف الجنان توفى ...
[8] من شهر سنة خمس [س] ...

[1] ... [деятель]ного (?),
[2] ... [совершенно]го (?), всеобъемлющего

собрания [совершенств], солнца общины

[3] [и веры,] славы проповедников, называемого Мухаммадом сыном шейха,

[4] имама славнейшего, праведного, чести общины, подавателя

[5] ереси, Амина сына Мухаммада сына Гариб ал-Хаса [на 6 сына]

[6] 'Усмана ал-Исбидбулани, да облечет его Аллах милостью и благоволением]

[7] и да упокоит его в благоуханных райских садах! Скончался ...

[8] Из месяцев года ... пятого.

Комментарий. * Возможно, лакаб покойного Шамс ал-милла ва-д-дина. *Или *الحسين* 'ал-Хусейна'.

На основании очевидной близости почерка и общего стиля исполнения надписей кайраков № 7 и 8 мы считаем вполне возможным датиро-

вать последний примерно тем же временем. По сохранившемуся началу даты здесь можно предположить 665/1266-67 г., в крайнем случае плюс-минус 10 лет.

Кайрак № 9 (по М. М. Дьяконову — № 4). Написан оригинальным скорописным почерком группы «сулс» с многочисленными лигатурами и непоследовательной диакритикой (рис. 3, а). Характерны соединения алифа артикля с ламом

[1] Это усыпальница *

[2] шейха, имама славнейшего, друга достойных, примера [для] знающих, * господина сейидов,

[3] средоточия славы и благополучия, Джалал ад-дина, передатчика хадисов. А он — сын шейха, имама достойного,

[4] мудрого, подвижника, * идущего [по пути единения с богом], * гордости паломников

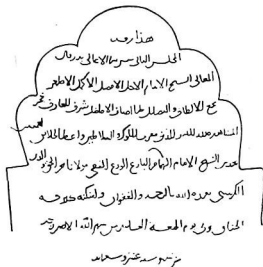
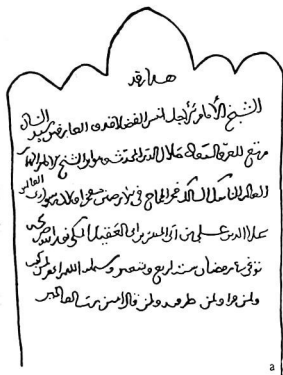

Рис. 3. Кайраки из Сафид-Булана.
а — № 9; б — № 10.

вершинами, алифа, дāла и tā марбӯта и другие сочетания. Обрамление в одну линию без оскопления, с пятинаочным наверх.

- [1] هذا رقد
- [2] الشيخ الامام (!) الاجل انيس الغصلا قدوة العارفين سيد السادة
- [3] مرتع العز والسعادة جلال الدين المحدث وهو ابن الشيخ الامام الهمام
- [4] العالم الناسك السالك فخر المجاز في الارضين مغفر اولاد رسول رب العالمين
- [5] علا الدين عني بن ابي الحسن بن ابي العقيل المكي نور الله ضريحه
- [6] توفي في رمضان سنة اربع وتسعين وستمائة اليهم اغفر لمن كتب
- [7] ولهم قرأ ولهم مطر (?) قبره ولهم قال امين رب العالمين

в землях, достойнейшего из потомков посланника господа миров,

[5] 'Ала' ад-дина 'Али сына Абу-л-Хасана сына Абу-л-Акила ал-Макки,²⁰ да озарит Аллах могилу его!

[6] Скончался в [месяце] рамадане года шестисот девяносто четвертого (июль—август 1295 г.). О Аллах! Прости того, кто писал,

[7] и того, кто читал, и того, кто охранял (?) могила его, и того, кто сказал «Аминь, господа миров!».

Комментарий. * Необычная форма слова رقد (вместо رقد) может быть обусловлена слабой проработкой резчиком начального мйма, на месте которого видно лишь небольшое углубление. * العارفين, по

²⁰ Об этом имени см.: Дьяконов М. М. Несколько надписей. . . , с. 14.

Газали — «познавшие [бога]», ²¹ т. е. один из синонимов суфия. ²² В суфийской терминологии синонимично الزاهد (см. примеч. «а» к кайраку № 5). Или «поступающего [сообразно тарикату]» — еще один синоним последователя суфизма. ²³ Чтение слова сомнительно: в тексте перед буквой «та» виден неясный значок, который можно принять за начальный нун, поэтому мы читаем здесь *نظر*. Другое возможное чтение — *طَرَّ* в значении «обматал [глиной и т. п.]» (синоним *طين*). В пользу второго чтения говорит распространенный в Средней Азии, по-видимому, более поздний обычай обмазывать глиной намагнившиеся возвышения («сагана» или «кабриш») внутри мазаров. Помимо всего прочего, эпитифия интересна своим ярко выраженным суфийским содержанием.

Кайрак № 10. Гранитная галька неправильной формы (рис. 3, 6). Надпись исполнена неровным скорописным насхом с искажениями и неточной диакритикой. Фигурная рамка в одну линию с прямоугольным основанием и купольным завершением.

هَذَا مَرَقَدُ
[1] المجلس العالي شمس بين الاعالي بدر قبال
[2] العالي الشيخ الامام الاجل الافضل الاكمل الاظهر
[3] الامجد
[4] مجمع الاطاف والفضائل منجاء اصناف الافاضل
[5] شرف المعارف فخر المشاهير صدر الملة والدين مقرب الملوك و
[6] السلاطين واعظ الخلائق اجمعين محمد بن الشيخ الامام الهمام البارع الورع المتقى
[7] مولانا نجم الحق والدين الكرمي تقي الله بالرحمة والغفران واسكنه
[8] جنة
[9] الجنان توفي يوم الجمعة العاشر من شهر الله
[10] الاصم رجب
[11] من شهر [] سنة عشر وسبع مائة

[1] Это могила
[2] «Высокого совета», * солнца среди превосходящих, [полной] луны перед
[3] достойными, шейха, имама славнейшего, превосходнейшего, совершеннейшего, непорочнейшего, знатнейшего,
[4] собрания любезностей и добродетелей, прибежища достойнейших [из разных] сословий, чести известных, славы
[5] знаменитых, садра общины и веры, приближенного к царям и султанам, наставника всех [живых] созданий,
[6] Мухаммада, сына шейха, имама достойного, сведущего, набожного, благочестивого, маулана ⁶ Наджм ал-хакк ва-д-дина
[7] ал-Кармини, * да облегчит его Аллах милостью и прощением и да упокоит его на раздольях

[8] райских садов! Скончался в день пятницы, десятого [дня] «глухого» месяца Аллаха — раджаба,
[9] из месяцев года семьсот десятого (3 декабря 1310 г.).²⁴

Комментарий. * Термины المجلس الرفيع, المجلس العالي и т. п. в свое время подробно рассматривал М. Хартман. ²⁵ Видевший в них неудачную попытку буквального перевода на арабский язык местного (туркского?) титула, который, очевидно, носили высокопоставленные персоны в придворных советах. В пользу этого мнения говорят фраза «приближенного к царям и султанам» (строка 5) и другие титулы и эпитеты покойного. А. Б. Халидов предлагает переводить этот титул как «его высокоприсутствие». ²⁶ Титулы «садр» и «маулана» носили представители высшего духовного сословия, которые зачастую были и представителями светской власти в своих общинах. ²⁷ Нисба по названию г. Карминия (Кермине; ныне — г. Навои в Узбекской ССР). ²⁸ Арабы называли месяц раджаб «глухой», ибо в течение его запрещались военные действия и «не было слышно ни движения боя, ни звона оружия, ни голоса, вызывающего о помощи». ²⁹ ³⁰ По таблице В. В. Цыбульского, 10 раджаба 710 г. х. приходится на четверг.

Кайрак № 11. Обломок гальки, содержащий три строки надписи, последняя из которых повреждена сколом. Почерк надписи — крупный угловатый куфи позднего стиля с элементами насха, без диакритики. Без обрамления.

هذه تربة الشيخ
[1] الغنيب الواعظ
[2] دانيال بن صالح
[3] [1] Это могила шейха,
[2] законооведа, проповедника,
[3] Даниала сына Салиха...

По палеографическим данным, надпись относится к XII в.

Кайрак № 12 (по М. М. Дьяконову — № 6). Продолговатая галька, сильно сужающаяся в нижней части. Надпись крупным неровным почерком (смесь манерного геометризованного куфи и примитивного насха) с редкой диакритикой, без обрамления.

الشيخ الزاهد
[1] صاحب الكر امة مبا
[2] رك بن اسحاق المتق
[3] [4] بزاز غفر الله له
[5] ولوالديه ولاصحا
[6] به ولزوجه (ا) ولمن دعا و
[7] لكتابه

²² Hartmann M. Archaeologische aus Rus. sisch-Turkestan. III. — OLZ, 1906, N 7, S. 362—363.

²³ لويس معلوف، المنجد في اللغة يبروت، ص ٢٢٢

²¹ Петрушевский И. П. Ислам в Иране... с. 229.

- [1] Шейх праведный,
- [2] обладатель благородства,* Муба-
- [3] рак сын Исхака, прозванный
- [4] Вазазом, да простит Аллах его
- [5] и родителей его, и дру-
- [6] зей его, и сокрывшего его (?),⁶ и тех,
- кто⁷ молился [за него, и]
- [7] написавшего это.

Комментарий. * В суфийской терминологии понимается и как «чудотворец». ⁶ Т. е. «похоронившего»; понято нами как причастие активного залога от глагола *زَوَى* 'скрывать, прятать'; еще менее вероятно употребление слова в значении «одевать, обрывать» (в савак) (для этого глагол *زَوَى* и производные от него применяются только во II породе). Но в любом случае, хотя общая неграмотность автора надписи совершенно очевидна (достаточно отметить два факта переноса слов и отсутствие предлога *ب* при лакабе *بِزَار*), здесь не может быть искаженное, как полагал М. М. Дьяконов, *عَنَابِيَّة* 'забота, внимание'. * Словом явно выбито над строкой.

Судя по почерку и составу эпитафии, наиболее вероятная ее дата — вторая половина XII — начало XIII в.

Кайрак № 13. Надпись на узком, округлом в поперечном сечении камне крупным примитивным наском без обрамления.

- [1] هذا قبر محمد [بن]
- [2] محمود الكرا
- [3] واني غفر الله
- [4] له ولوالديه

- [1] Это могила Мухаммада [сына]
- [2] Махмуда ал-Ка[р].
- [3] вани,* да простит Аллах
- [4] его и его родителей!

Комментарий. * Нисба по названию г. Карвана (Кервана) в северной части Ферганской долины.²⁴

Датировка надписи по почерку затруднительна, но некоторые признаки (в частности, краткость эпитафии, архаизм графического стиля) позволяют отнести ее также к числу ранних (вторая половина XII в.).

Кайрак № 14. Гладкая галька неправильной трапециевидной формы (рис. 1, 2). Почерк надписи — крупный угловатый нахс с диакритикой. Начало и конец эпитафии написаны парабаски, в середине (строки 4—7) — четверостишие (рубаи) на персидском языке со сквозной рифмой на -ар, последняя строка которого

повреждена поверхностным сколом. Буквы «дал» и «ра» всюду отмечены одной, а «сий» — тремя точками снизу. Обрамление из дугообразных линий без основания, с купольным завершением.

- [1] الحجاج
- [2] هذا قبر الغريب
- [3] بيت

- [4] ذوقت كل سرور مرا كم شديد
- [5] بدو سر زلم اين دو دست مي كويم زار
- [6] يا خيال همي كويم خاك زنيار
- [7] آن ياروفا دارم كرا نيكو دار
- [8] اللهم اغفر لكآ تبه

- [1] Паломник.*
- [2] Это могила чужеземца.
- [3] Бейт:
- [4] Во время [цветения] красной розы⁶ потерял я друга.
- [5] Бью [себя] по голове обеими руками и горько плачу,
- [6] и говорю с землей: «Земля, смотри,
- [7] моего верного друга бережю храни!».
- [8] О Аллах, прости написавшего это!

Комментарий. * Это слово бесспорно относится к строке 2, которая в таком случае будет читаться *هذا قبر الحجاج الغريب* 'Это могила паломника-чужеземца'. ⁶ Дословно «у меня потерялся (пропал, исчез) друг», или же, если читать не *شد*, а *گم شد*, «у меня стало [одним] другом меньше». В строке 4 явно заключена хронограмма, расшифровка которой, как нам кажется, допускает несколько решений. 1) «В [числе] времени *зол-е сорз* потерялось (или стало меньше на) *мара*, [о] друг!», т. е. из суммы числовых значений букв *گل سرخ* (=910) нужно вычесть *مرا* (=241). Вместе с переносным значением *گل سرخ* это дало бы довольно точную дату составления эпитафии — последние месяцы 669/апрель—июль 1271 г. Палеография надписи такой датировке в целом не противоречит; напротив, одна из характерных ее особенностей — пунктирование букв «ра» и «дале» — находит очень близкую по времени параллель в графике кайрака № 7 (см. выше), изготовленного в 664/1266 г. (впрочем, эти и другие элементы палеографии более типичны для эпитагий конца XII — начала XIII в.). 2) В этой же конструкции, но с расшифровкой *стелания* *мра* как *مرا* (=291), что дает 619/1222 г. 3) «Из времени *зол-е сорз* у меня пропало *мар*» (=211), откуда получается дата 699/1299=300 г. По мнению прагматиста В. К. Шуховцова, предложенного последнее чтение, оно является единственно возможным. Так или иначе, но по любому из трех предлагаемых вариантов, учитывая и палеографические особенности, эпитафия относится к XIII в.

Кайрак № 15 (по М. М. Дьяконову — № 7). Текст и перевод даются по публикации Дьяконова.

- [1] اغل خاتون
- [2] خدايا اين
- [3] ضعيفه را بياورد

²⁴ Бартольд В. В. Туркестан..., с. 219—220.

- [1] Огул Хатун.
[2] Бог эту
[3] женщину да помилует!

Кайрак № 16 (текст из полевого дневника Б. Н. Засыпкина).

- [1] هذا قبر السيد الامام العا
[2] لم الزاهد الواعظ
[3] عزيز السنة والدين عمر بن
[4] محمد بن معتصم العلوي
[5] تقيده الله بفقر
[6] امين رب العالمين

- [1] Это могила сейида, имама муд-
[2] рого, праведного, проповедника,
[3] любимца сунны и веры, 'Умара сына
[4] Мухаммада сына Му'тасима ал-'Алави,
[5] да обличет его Аллах прощением.
[6] Аминь, господь миров!

В надписи интересно отметить, что родовая покойного возводится к халифу 'Али. Кроме того, необычно выглядит в составе куньи имя Му'тасим, совершенно чуждое среднеазиатской ономастике и известное нам (в форме *الحاتم*) только как тронный титул нескольких правителей-халифов — Аббасидов и Альмохадов. По содержанию и построению эпитафии также можно датировать домонгольским временем.

Как было указано выше, все кайраки находятся в мазарах на территории средневекового кладбища, где до сих пор хоронят местных жителей, считающих себя потомками пророка Мухаммада.

Среди жителей с. Мазар и поныне бытует предание о том, что в местности Сафид-Булан в 34/654-55 г. «в бою с неверными» погиб отряд из 2700 арабских воинов, которыми командовал один из потомков (?) пророка, житель Медины Хазрат Шах-Джарир сын Хазрата Шах-Усмана. Шах-Джарир взял в жены касанскую девушку, которая родила Шах-Фазила — будущего завоевателя этой местности, умершего и похороненного в Сафид-Булане.²⁵

Об этих событиях сообщает еще Джама ал-Карши (начало XIV в.), называя предводителя арабских войск Мухаммадом ибн Джари-ром, а местность, где они сражались и поги-

бли, — Исбид-Буланов.²⁶ То, что упоминаемая местность и есть современное с. Мазар (или Сафид-Булан), не подлежит сомнению. Это же название встречается и в двух наших надписях (кайраки № 7, 8).

В последнем случае мы имеем дело с довольно редким и интересным фактом упоминания при именах покойных нисбы по их родному городу, когда они в нем похоронены; обычно в эпитафиях встречаются нисбы выходцев из других мест. Впрочем, известны и исключения из этого правила, отмеченные в среднеазиатской эпиграфике. Например, в Касане есть мазар с эпитафией, посвященной шейху Сейиду Ахмаду ал-Касани;²⁷ в Термезе — гробница с мраморной плитой, на которой выбито имя знаменитого ученого с нисбой по названию родного города;²⁸ в Сыгнаке (ныне — развалины Сунак-Нурган, Казахская ССР) похоронен «святой» Хасан ад-дин Сахиб Нихайа ас-Сигнаки, являвшийся «патроном этого города»;²⁹ «местные» нисбы упомянуты и в надписях ряда неопубликованных намагильников из Киргизии (Узген, Кисирган-Ата и др.). Излишние в информационном смысле, эти нисбы, по нашему мнению, прибавлялись к именам в надписях вполне сознательно, с целью подчеркнуть знатность и достоинства покойных в глазах потомков, а также их известность в других районах мусульманского мира.

Даже не вдаваясь в подробный анализ текстов кайраков из Сафид-Булана, можно сказать, что одно их количество указывает на видную роль этого поселения в жизни Северо-Восточной Ферганы. Поскольку мусульманские ученые и законоведы, видные шейхи и имамы, носившие порой громкие титулы «муфтиев обеих сторон горизонта», «приближенных к царям и султанам» и т. п., как правило, концентрировались в крупных политических и религиозных центрах, то именно таким центром областного значения можно рассматривать и Сафид-Булан. Сюда съезжались даже чужеземцы-паломники, где и умирали (кайраки № 1, 14).

Археолого-топографическое изучение местности, проведенное нами в 1971 г., показало, что поселение общей площадью около 4 км²,

²⁵ Бартольд В. В. 1) Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. 1. Тезисы. СПб., 1898 (1900), с. 148, 160; 2) Туркестан..., с. 216—217.

²⁶ Веселовский Н. И. Дагид, с. 89.

²⁷ Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893—1894 гг. — Сов., М., 1966, т. 4, с. 56, примеч. 97.

²⁸ Якубовский А. Ю. Краткий отчет о поездке к развалинам мавзолей Кок-Кесие и г. Сыгнака (Саганак), ныне Санак-Нурган или Санак-Ата. — ЦГА УзССР, ф. 394, оп. 1, ед. хр. 310, л. 164.

²⁹ Наливкин Н. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886, с. 7—10; Щербина Крамаренко Н. Н. По мусульманским святыням..., с. 50—51; Бриянов А. О следах древнего города Касана в Ферганской области. — ПТКЛ, 1899, с. 148; Бернштам А. Н. Архитектурные памятники Киргизии. М., 1950, с. 94—95, и др.

известное для XII—XIV вв. под названием Ишбид-Булан, возникло в конце IX—начале X в.³⁰ и к XI—XII вв. достигло наивысшего расцвета. К этому времени, вероятно, относится и основание дервишской суфийской общины, существование которой в Сафид-Булане было доказано М. М. Дьяконовым³¹ и подтверждается новыми надписями на кайраках, исследованными нами.

Косвенным доказательством бытования суфийской, а возможно, и других мусульманских сект служат также обнаруженные внутри мавзолея Шах-Фазил многочисленные изображения деревьев, граната и особенно раскрытой ладони — исмаилитского символа «панджа», часто встречающегося в местах поклонения на Памире,³² в Таджикистане³³ и других областях Средней Азии, а также в Южном Казахстане. Некоторые из этих рисунков в мавзолее явно древнего происхождения. Кроме того, по штукатурке выцарапаны различные значки и надписи, требующие специального эпиграфического исследования. Эти изображения свидетельствуют о значительных пережитках доисламских культов в Ферганской долине, что само по себе характерно для всякого мистического учения в исламе, и в частности для суфизма.³⁴

К XIII—XIV вв., когда суфизм уже «жил перепевами старых идей и стал клониться к упадку»,³⁵ наблюдается особое стремление мусуль-

манского духовенства к укреплению своего авторитета и самой религии в сознании народных масс. Это стремление нашло прямое отражение в провозглашении многочисленных «святых» и «чудотворцев» и в освящении их могил — мазаров.

Еще в сравнительно недавнем прошлом в Сафид-Булане проводились различные службы, связанные с деятельностью мазаров и включавшие в себя, как и в далеком средневековье, организацию религиозных празднеств всей округи, паломничество, жертвоприношения, обучение мусульманским наукам и т. д. Население Сафид-Булана даже к началу XX в. состояло исключительно из шейхов, которые освобождались от различных податей и взносов в государственную казну и даже от налогов с доходов, получаемых от паломничества, и пользовались особым почитанием в Кокандском ханстве.³⁶

Таким образом, эпиграфические памятники Мазара свидетельствуют о том, что к XII в. на северо-востоке Ферганской долины сложился не просто некрополь, как представлялось раньше, но и крупный религиозно-культурный центр наряду с такими городами, как Ахсикет, Касан и Узген.

Эпиграфические памятники Сафид-Булана, как подлинные документальные свидетельства своей эпохи, представляют несомненный научный интерес. Исторические сведения, содержащиеся в этих надписях, служат прекрасным дополнением к сообщениям письменных источников и, кроме того, во многих случаях сами являются комплексным и независимым источником по ряду вопросов. Их публикация поможет исследователям разрешить многие спорные проблемы средневековой истории народов Средней Азии.

³⁰ Впрочем, если судить по названию города, первоначальная форма которого несомненно Ишбид-Булан (согдийского происхождения), то первые поселения, давшие ему это название, должны были обосноваться здесь еще в доисламскую эпоху (по крайней мере во второй половине VII—VIII в.).

³¹ Дьяконов М. М. Несколько надписей. ... с. 15.

³² Розенфельд А. З., Колесников А. П. Материалы по эпиграфике Памира. — ЭВ, 1969, вып. 19, с. 94—97.

³³ Семенов А. А. Материальные памятники арийской культуры. — В кн.: Таджикистан: Сб. статей О-ва для изучения Таджикистана и иранских народов за его пределами. Ташкент, 1925, с. 118.

³⁴ Массе А. Ислам. М., 1963, с. 163 след.

³⁵ Бациева С. М. («Шифа' ас-силь» — трактат Ибн-Халдуна о суфизме. — В кн.: Ближний и Средний

Восток (история, культура, источниковедение): Сб. статей в честь 70-летия Ильи Павловича Петрушевского. М., 1968, с. 42.

³⁶ Протокол от марта 10 дня 1900 г. по земельно-податного комиссара подполковника Кошляевского. — ЦГА УзССР, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 33273, л. 40—42.

ЭПИГРАФИКА ВОСТОКА

XXIV

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
АКАДЕМИКА Б. Б. ПИОТРОВСКОГО

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1988

В. Н. НАСТИЧ, Б. Д. КОЧНЕВ

К АТРИБУЦИИ МАВЗОЛЕЯ ШАХ-ФАЗИЛ

(эпиграфические и нумизматические данные)¹

Средневековый мавзолей Шах-Фазил находится на северо-восточной окраине с. Гулистан (до 1976 г. — с. Мазар, древнее название — Сафид-Булан) Ала-Букинского района Ошской области, примерно в 50 км к северу от г. Намангана. Здание мавзолея представляет собой однокамерную, квадратную в плане постройку купольно-центрического типа (без портала), ориентированную углами по сторонам света, с дверным проемом в северо-западной стене, без каких-либо следов внешнего декора. Интерьер мавзолея, напротив, богато украшен орнаментальной и эпиграфической резьбой по ганчу.

История изучения этого замечательного памятника среднеазиатского зодчества домонгольской эпохи, насчитывающая уже 90 лет, отражена в ряде работ по краеведению, археологии, архитектуре, искусствознанию, этнографии, научному атеизму. Последняя по времени — публикация В. Д. Горячевой, посвященная комплексному исследованию памятников средневековой архитектуры Киргизии,² — избавляет нас от необходимости детального описания постройки, ее археологического окружения, функциональных особенностей как погребально-культового центра, легенд и преданий, связанных с мавзолеем и окружающими его кладбищами, и т. п. Все эти данные и сопутствующая им библиография с достаточной полнотой

приведены в упомянутой монографии.³ Можно лишь добавить, что до сих пор нет полной публикации снимков интерьера Шах-Фазила, не говоря уже о чтении и переводе надписей,⁴ а предлагаемые разными авторами датировки памятника (от X до XIV в.) основаны исключительно на особенностях архитектуры и декора, формальных аналогиях и других косвенных данных; при этом палеография надписей как датировочный фактор либо упоминается мимоходом, без сколько-нибудь подробного анализа, либо вообще игнорируется.

Предлагаемая публикация не ставит целью полное издание надписей мавзолея, эпиграфический репертуар которого во всех отношениях заслуживает отдельного монографического исследования. Основным объектом расшифровки, чтения и исторической интерпретации для нас являются персоязычная надпись верхнего из трех горизонтальных поясов куфи, расположенная над ярусом тропов по внутреннему периметру восьмерика, поддерживающего купол, практически полностью сохранившаяся и вообще наиболее информативная, а также начало средней рельефной надписи. Значительная дефектность большей части среднего и особенно нижнего эпиграфических поясов препятствует их полной расшифровке. Впрочем, судя по сохранившимся фрагментам, эти последние сколько-нибудь важной информации в интересующем нас аспекте не содержат, и далее дана лишь их краткая характеристика.

¹ Расшифровка, чтение, перевод и интерпретация надписей принадлежат В. Н. Настичу, сводка нумизматических источников — Б. Д. Кочневу; констатирующая часть публикации сформулирована совместно. Авторы благодарят В. Д. Горячеву, Г. А. Джарасеву и Б. В. Помакина за содействие в получении графических материалов и фотофиксацию эпиграфики Шах-Фазила, В. А. Ливинца и В. К. Шуховцова — за консультацию по правописанию лексики и грамматике. <Прорисовки выполнены О. Г. Большаковым>.

² Горячева В. Д. Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии (Бурана, Узген, Сафид-Булан). Фрунзе, 1983. Сафидбуланские надмогильные надписи опубликованы в работе: Горячева В. Д., Настич В. Н. Эпиграфические памятники Сафид-Булана XII—XIV вв. // ЭВ. 1984. XXII. С. 61—72.

³ Горячева В. Д. Средневековые городские центры. . . . С. 106—136; Приложение, рис. 36—49. Далее, если не указано иначе, все фактические данные о памятнике восходят к этой монографии.

⁴ Краткое изложение результатов расшифровки верхней надписи мавзолея см.: Настич В. Н. Предварительные итоги эпиграфического изучения архитектурных памятников Ферганы: (Южный Узгенский мавзолей и Шах-Фазил) // Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии: Тез. докл. Ташкент, 1985. С. 84—85.

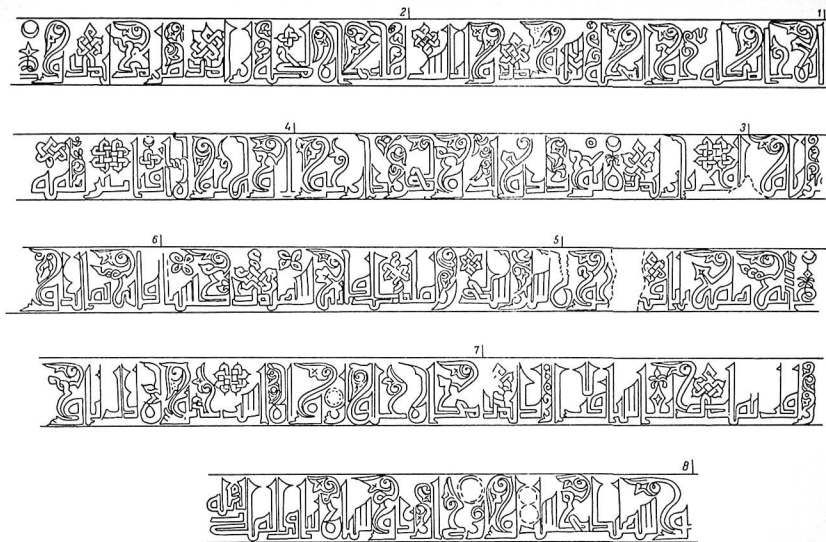

Рис. 1. Верхний пояс надписи мавзолея Шах-Фазл. (Цифры обозначают начало сторон восьмерика).

Верхняя надпись (рис. 1, I—8)⁵ начинается на южной грани восьмерика, ее общая длина около 26 м. Мы читаем ее так:

این جایگاه جوانکه سیف دولت است || ملکان که
را امر بد و عز نام یا || افت تا زنده بود دولت و کردار
حق || [ابوی چون آفتاب بر همه عالم همی بتافت ||
چون میر شد زملکت فانی شهید گشت فانی نماند
وزفت بمملکت بقا شتافت فانی دید || گان خلق روان
است خون دل تا و (۹) || ی شهید گشت و روی از
دوستان بتافت الملک لله

Перевод:

Это обитель⁶ доблестного мужа⁶ по имени⁷ Сайф-и давлат⁷ [-и] М. л. кан,⁸ который был великодушным человеком⁶ и приобрел славное имя,⁹ пока был жив. Счастье⁶ и праведные деяния⁶ сияли над ним, как солнце [сияет] над всем миром. Когда же он пресытился [этим] бранным миром, [то] стал шахидом,⁶ не остался бранным⁶ и поспешил уйти в царство вечности. Из глаз людей текут слезы⁶ с тех пор, как он (?)⁶ стал шахидом и отвратил⁶ [свой] лик от друзей. Власть [принадлежит] Аллаху.

Комментарий

Надпись среднего пояса (рис. 2, I—2), наиболее крупная и художественно выразительная, выполненная рельефной ленткой по плоскому резному ганчу непосредственно под ярусом трюмпов, сильно пострадала от времени. Однако ее начало (примерно треть всей длины, или около 11 м на юго-восточной и частично северо-восточной стенах мавзолея) сохранилось удовлетворительно и читается вполне однозначно:

این جو آنکه معز... [وال (۹) ملک نام [۲] از فرزند
سیف دولت آن میر و شهیداندا آن فرمود تا این
بود از...]

Перевод:¹⁰

Сей доблестный муж¹¹, известный под именем Му'изз... [۲] Малик¹², сын Сайф-и давлата — того повелителя и шахида,¹³ приказал [о том], чтобы это стало¹⁴ из (?)...

⁵ *Джаййах* — 'жилище, обитель; обиталище', здесь метонимически в значении '[последнее] пристанище'. Это же слово повторено в дефектной средней надписи. М. Е. Массон принял его за *ghanaqax* (чаще употребляется в форме *khanaqah*), из чего был сделан ошибочный вывод о первоначальном названии.

⁶ В работе использованы фотофиксации надписей, сделанные Е. Н. Юдиным и сохранившиеся в полевых материалах Б. Н. Засыпкина 1947—1951 гг. (ЦГА УзССР, ф. 2406, оп. 1, ед. хр. 1308—1311).

⁷ Буквенные отсылки на комментарии продолжают алфавитный порядок, начатый в переводе верхней надписи.

челен постройки как суфийской дервишеской обители.⁶

⁶ *Джаван* — 'юноша, молодой человек'; 'достигший среднего возраста',⁷ реже 'зрелый, возмужалый'.⁸ Как мы увидим далее, такие значения никак не согласуются с возрастом усопшего, и здесь это слово следует понимать как вариант термина *джаванмард* 'благородный, великодушный; доблестный'. Основание для этого дают другие иранские языки: в современном дари Афганистана *джаван джаван* 'молодой, юный; молодцеватый, красивый; смелый, удалой';⁹ аналогичные значения отмечаются для *дзаван* в پشتо.¹⁰ Возможно, все они связаны еще с авестийским *yuvān*/*yuvān*-*yūn* 'юный [герой]' < просто 'герой'.¹¹ Подобный семантический переход ('молодость' < 'доблесть') характерен и для араб. *فتوة* *футува*,¹² откуда *فتی* = 'юноша' < 'виталя' (мн. ч. *فتیان* *фитйān*).¹³ ср. также рус. *молодец*, сербск. *juna*, казах. *jeгіm* т. и. п.

⁸ Букв. 'который есть...'.⁹ с инверсией глагола связи (см. далее).

¹⁰ Арабский лакаб *الدولة* *Сиф* с буквальной значением 'меч власти', здесь в персидской аллонимической передаче — без артикля и с 'растянутым' *tā* в конце второго слова.

¹¹ Можно было бы понимать последние слова как расширенный лакаб (с допущением персидского мн. ч. -*ān* от араб. *малик* 'царь, владетель') — 'меч власти царей', но мешает глагол-связка *аст*, вставленный между *давлат* и м. л. *кан*. Эта инверсия, очевидно, применена для сохранения внутрйфразовой рифмы *джаван* — м. л. *кан*, одновременно подчеркивая игру слов, в которой лексическое значение обеих частей противопоставлено имени собственному *ملکان*. В словаре Ягелло (см. примеч. 8, с. 1574) приводится форма *м. л. кан* (без огласовки второго коренного) со значением имени собственного 'отца Хизара'. Мы предпочли бы огласовку, соответствующую чтению *маликан*: помимо более осмысленного значения, такая форма лучше вписывается в ритмику фразы, повторяя по долготе слогов рифмуяющуюся с ней *джаййах* и *джаван*. С такой оговоркой это имя в дальнейшем мы будем употреблять в форме Маликан.

¹² См.: Горячева В. Д. Средневековые городские центры... С. 132. Такое определение неверно еще и потому, что однокамерный мавзолей никак не мог служить дервишескому 'обществу'.

¹³ *عَمِيد حَسَن. فَوْهَنگ بَزگ نو چندی مَمُور*
فارسی نغزاسی شامل کلیه واه های فارسی ولغات موی
واروایی مطعنه در زبان فارسی واصطلاحات علمی
و ادبی تهران ۱۳۵۷ [1958]، ص ۴۹۱.

¹⁴ Ягелло И. Д. Полный персидско-арабско-русский словарь. Ташкент, 1910. С. 487.

¹⁵ Киселева Л. Н., Михайлович В. И. Дарий-русский словарь. М., 1978. С. 262.

¹⁶ Асланов М. Г. Пушту-русский словарь. М., 1985. С. 335.

¹⁷ Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904. Sp. 1305.

¹⁸ Ср.: Габашивили М. В. Средневековые города Грузии в XI—XII вв. Тбилиси, 1981. С. 69—74. (На груз. яз.).

¹⁹ Чокан Валиханов, например, прямо говорит о том, что у казахов джигитом может считаться даже 70-летний мужчина, если он бодр и в состоянии скакать верхом: Валиханов Ч. Ч. [О формах казахской народной поэзии] // Собр. соч. в пяти томах. Алма-Ата, 1984. Т. 1. С. 284.

* *Радмәрд* — синоним *джавайн*[*мард*] (см. комм. 46); другие значения — 'щедрый; смелый; разумный; честный'. Глагол-связка *будан* передан в краткой форме 3-го л. ед. ч. *буд*.

* *Изз илм* — «перевёрнутый» изафет. Первое слово имеет несколько различных значений, здесь одинаково возможных: 'великий; славный; знаменитый; достойный, превосходный; редкий'. Известно употребление *изз* как показателя принадлежности к августейшей особе или двору, царского достоинства и т. п.¹⁴ Здесь может быть намек на высокий сословный ранг покойного: ср. лакаб *Сайф-и диван*, который, очевидно, и подразаывается под 'славленным именем'.

* *Давлат* — также многозначное слово: кроме обычно употребительного 'власть', имеет значения 'богатство, благо; благоденствие; могущество; счастье' и т. п. Арабское *الدولة* в средневековой традиции является синонимом *тюрк*, *qut* и иран. *tagh*,¹⁵ выступая в значении 'божественной субстанции власти' и протестующих от нее благ.¹⁶ На связь с доисламским представлением о *фарре* — силении наподобие нирба, воплощающем 'царскую сущность', — указывает в надписи и сравнение 'счастья' с силением солнца.

* «Правдивые (справедливые) деяния вместе с предшествующим им 'счастьем' недвусмысленно переключаются на аллегорические фигуры из «Кутадгу билиг» Йусуфа ал-Баласагуни — илеком (правителем) Кунтодги, символизирующим Справедливость, и его вазиром Айтодги — олицетворением Счастья.¹⁷ Возможно, эта пара генетически связана и с тюркским дулеком *qut* — *qiw* у Махмуда Кашгарского (одинаково переводимым как араб. *ад-давла*), который можно многозначительно трактовать как «вера в счастливую судьбу и благоприятный жизненный удел».¹⁸

* *Шаид* — букв. 'свидетель, очевидец', перен. 'мученик, погибший за веру'. Обычно этим термином в эпиграфках подчеркивается факт насильственной смерти мусульманина от руки неверного.

* Т. е., видимо, 'не исчез [из памяти людей]', поскольку не остается *файл* ислам буквально запрещает: ср. Коран, 55: 26 — «Каждый, кто на ней [т. е. на земле], исчезнет...»¹

* Букв. 'кровь сердца' — распространенный метафорический троп в персоязычной литературе, поэзии и фольклоре, синоним скорби.

* Дефект на стыке границ восьмерика: похоже, что одна буква утрачена (на этом месте в тексте вопроси-

тельный знак). Диакритика графемы '3' предположительно.

* Текст надписи построен с применением приема *садж* — рифмованной прозы. Кроме отмеченной выше пары (комм. 46), последний глагол *бетайф* рифмуется с *илм* *йайф* 'приобрел имя', *хамй-бетайф* 'сиял [и]' и *шитайф* 'посвятил'.

* *Джавайн* — см. комм. 46.

* От второй части лакаба сохранилась лишь последняя буква *илм* (в изолированной позиции), а перед ней контур от предыдущей выпавшей буквы в шугатурке фона, соответствующий очертаниям обычной для данной надписи буквы *ива*. По аналогии с лакабом отца упомянутого Малика здесь хотелось бы видеть лакаб *Му'изз-и давлат* (соотв. араб. *معز الدولة* *Му'изз ад-давла*), но для уверенного предположения о чтении второго слова как *давлат* недостает по крайней мере одного зубца на горизонтальной буквы *илм*, который превратил бы ее в *илт*.

* *Малик* — несмотря на дефектность в этом месте надписи (рельефные части букв осыпались вместе с кусками подстилающей шугатуры), имя читается по оставшемуся контуру без сомнений. Как и *Маликин* в верхней надписи, оно, по всей вероятности, семантического происхождения от корня *МЛК 'владеть, властвовать'.

* Т. е. упомянутого выше (в верхней надписи).

* Конец фразы неясен. Далее следуют значительные повреждения, частично уцелевшие буквы и отдельные слова: *زمان* 'время', *دخل خود* 'его [собственная?] справедливость' (ср. комм. 46), *هر جايداك* 'каждая обитель' или 'любое место' и т. д. Последняя четверть надписи сохранилась неплохо, но из-за нарушения связности текста перед нею точный перевод окончания надписи затруднен.

Комментарий

Нижняя надпись куфи, размещенная по периметру несущих стен над резной панелью, еще более дефектна; по сохранившимся ее обрывкам можно судить о дидактическом содержании текста (рис. 2, 3). Никаких элементов, как-либо напоминающих исторические сведения, мы в ней не находим.

Еще несколько куфических надписей, сохранившихся не полностью (первоначально их было 12), имеют вид кольцевых обрамлений орнаментальных 'розеток', расположенных над средней надписью в ярусе трюмпов и под ним на стенах четверика. Это надписи религиозного содержания: басмала, калима, цитаты из Корана, благословенные сентенции типа 'Власть [принадлежит] Аллаху' и т. п. Как и нижний горизонтальный пояс куфи, они не содержат исторических сведений.

Все надписи интерьера мавзолея, независимо от техники их нанесения (резьба по плоскости или рельефная лепка), выполнены развитым 'цветущим' куфи, богато орнаменти-

¹⁴ Ср.: «Аноним Искандара» // Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973. Вып. 1. С. 117, примеч. 38.

¹⁵ Махмуд б. ал-Хусейн б. Мухаммад ал-Кашгарский. *Китаб диван лугат ат-турк*. [Стамбул], 1333/1914-15. Т. 1. С. 269; Dankoff R. *Kashgari on the beliefs and superstitions of the Turks* // JAOS. 1975. Vol. 95. 1. P. 68.

¹⁶ Об употреблении тюркского *qut* в значении 'хакское достоинство' см. также: Бартольд В. В. К вопросу об уйгурской литературе и ее влиянии на монголов // Сочинения. М., 1968. Т. 5. С. 367.

¹⁷ Юсуф Баласагуни. *Кутадгу билиг*. Благополучное знание / Изд. подгот. С. Н. Иванов. М., 1983. С. 11, 521-522.

¹⁸ Ал-Кашгарский. *Китаб диван*. . . С. 278; Dankoff R. *Kashgari*. P. 72.

рованным в верхних частях строк, между стволками и ответвлениями букв и обнаруживающим выраженную тенденцию к геометризации. Абсолютно полные художественно-графические аналогии стилю шахфазилской эпиграфики нами не обнаружены, но все более или менее близкие параллели, несмотря на подчас значительную удаленность рассмотренных памятников

михраб соборной мечети Ардестана (447—450/1055—1058 гг.);²³ медресе Низам ал-Мулка в Харджирде (ок. 450/1058²⁴ или 460/1067-68 г.²⁵); намогильник с именем Ибрахима в Газие (451—492/1059—1099 гг.);²⁶ минарет 453/1061 г. в Саве²⁷ (надписи четырех последних памятников больше всего напоминают шахфазилские); мечеть ал-Джуйуши 478/1094 г.²⁸ и михраб ал-

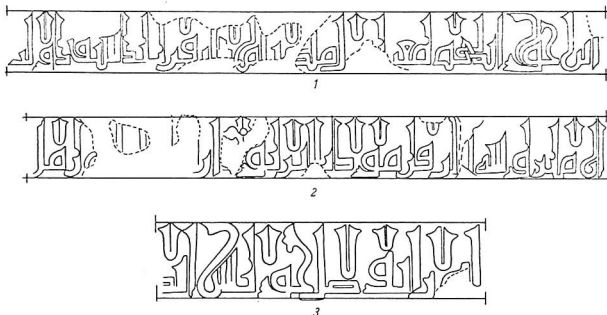

Рис. 2. 1—2 — надпись среднего пояса; 3 — фрагмент надписи нижнего пояса.

от Мавераннахра (вплоть до африканского и европейского Средиземноморья), в основном компактно укладываются в пределах XI в. Среди таких параллелей, близких шахфазилским надписям по ряду характеристик (техника исполнения, пропорции, модули букв и соединений, степень орнаментированности письма, формы декоративных компонентов и т. п.), можно назвать следующие памятники: радканская башня 407—411/1016—1021 гг.;¹⁹⁻²⁰ багшенный мавзолей Пир-и 'Аламдар в Дамгане, датированный 418/1027 г.;²¹ мечеть «Двенадцати имамов» с надписью 429/1037 г. в Пезде;²²

Афдала в мечети Ибн Тулуна в Каире;²⁹ фриз мавзолея 'Абдаллаха б. Бурайды близ Мерва (конец XI в.);³⁰ интерьер большой мечети Кайрувана (XI в.);³¹ туписские намогилиники

²³ Ibid. Pl. 322.

²⁴ Diez E. 1) Die Kunst der Islamischen Völker. Berlin, 1915. S. 68, Abb. 50; 2) Iranische Kunst. Wien, 1944. S. 112, Abb. 70.

²⁵ Пугаченкова Г. А. Искусство Афганистана: Три этюда. М., 1963. С. 408. Илл. на с. 113.

²⁶ Flury T. S. Le décor épigraphique des monuments de Ghazna // Syria. 1925. T. 6. P. 70—72, pl. XI et XII.

²⁷ SPA. Vol. VIII. Pl. 365b.

²⁸ The Cambridge History of Islam. Vol. 2: The further Islamic lands, Islamic society and civilization. Cambridge, 1970. Pl. 11.

²⁹ Rice D. T. Islamic art. London, 1977. P. 89, ill. 88.

³⁰ Пугаченкова Г. А. Новое по архитектуре средневекового Мерва // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1963. Т. 12. С. 241—246. рис. 16—20.

³¹ Margais G. Coupole et plafonds de la Grande Mosquée de Kairouan // Notes et documents publiées

¹⁹⁻²⁰ Крачковская В. А. Эволюция кувейтского письма в Средней Азии // ЭВ. 1949. III. С. 16—17, рис. 17 и 19.

²¹ SPA. Vol. IV. [Tokyo, 1964—65]. P. 1723, fig. 588;

حبیبی عبد الحئی. تاریخ خط و نوشتہ های کهن افغانستان از عصر قبل التاريخ تا کنون. کابل، ۱۳۰۰

[1971] ص ۱۷۴ عکس ۲۷.

²² SPA. Vol. VIII. Pl. 274b.

с датами от 393/1003 до 471/1078-79 г.;³² мраморные надгробия из Южной Италии с датами от 416/1025 до 470/1077-78 г.³³ К этому можно прибавить несколько образцов эпиграфики на бытовых предметах, в частности золотой кувшинчик Бахтияра б. Му'из ад-даула Бувейхиде (Иран, последняя треть X в.),³⁴ золотое блюдо XI в. из Хорасана³⁵ и бронзовую поясную накладку первой половины XI в. из Южного Казахстана.³⁶ Впрочем, более или менее близкие по стилю надписи встречаются и на памятниках XII—начала XIII в.

Отсюда следует, что палеография рассматриваемых надписей характерна для домонгольского времени в целом, а ее стиль не ограничивается какой-либо определенной областью мусульманского мира. В нашем случае это время соответствует периоду правления в Фергане династии тюрков Караханидов, в которой и следует искать упомянутых в надписях суверенов. С учетом датировки самых близких по стилю и технике аналогий можно полагать наиболее вероятным сооружение мавзолея Шах-Фазла в середине или второй половине XI в.

Гораздо более определенным датировочным фактором служат сами присутствующие в надписях имена и титулы амира Сайфи-даула (иначе Сайф ад-даула) Маликана и его сына Му'иза... (?) Малика, судя по построению текста средней надписи, повелевшего воздвигнуть мавзоль над могилой отца. Однако в доступных нарративных источниках эти имена в такой форме не встречаются. На вопрос, кто из караханидских правителей скрывается за ними, отвечают лишь монеты ферганского и илакского чекана XI в. и еще один эпиграфический памятник из Средней Азии — Варухская («северная») наскальная надпись 1041 г., о которой будет сказано далее.

В сочетании *سيف دولت* последнее слово — имя, а два предшествующих — относящийся к нему лакаб, арабское традиционное чтение которого *Сайф ад-даула*. Хотя этот лакаб проставлен на монетах, опубликованных еще в конце прошлого столетия А. К. Марко-

вым, до сих пор не было предложено какой-либо его идентификации; имя же, тоже известное только по монетам, исследователи приписывали по крайней мере трем караханидским правителям. Так, О. Прицак читал это слово как *Маликан*, полагая, что под именем *Мухаммад б. Маликан* на дирхемах Ахсикета 415/1024-25 г. и фельсах Касана 423/1031-32 г. скрывается Мухаммад б. Наср,³⁷ и тем самым относил имя *Маликан* к завоевателю Мавараннахра Насру б. 'Али. Однако на самих монетах стоит, как выяснилось позже, не *Мухаммад*, а *Малик б. М.л.к.ан* (ملك بن مكنان), поэтому такое отождествление неприемлемо.

Столь же неприемлема и точка зрения М. Н. Федорова, который имя *مكنان* читал *Мулкан* (не обосновывая, как и О. Прицак, своего чтения) и приписывал 'Али-тегину ('Али б. ал-Хасану): согласно этой точке зрения, поскольку на дирхемах Ахсикета 415/1024-25 г. в поле об. ст. выбито (как указано в публикации А. К. Маркова) *Тангач-каан М.л.к.ан*, это значит, что имя (прозвище или эпитет) *Мулкан* якобы находится «в прямой и непосредственной связи» с титулом Тангач-каан, принадлежавшим 'Али-тегину.³⁸ При этом вовсе не учитывается, что слово *М.л.к.ан* может относиться как к Тангач-каану, так и к его вассалу; что на всех известных монетах 'Али б. ал-Хасан титулуется не Тангач-кааном, а Табгач Буграханом и Табгач Бугра Кара-ханом; что в монетном чекане 'Али ханский титул появляется не ранее 423/1031-32 г.; что, наконец, Р. Фасмер чтение Тангач-каан исправил на Тига-хан (=Тонга-хан), каковой титул был тогда не у 'Али, а у его брата.³⁹ Иными словами, весь известный М. Н. Федорову нумизматический материал как раз свидетельствовал против его точки зрения. И как ранее постарался показать Б. Д. Кочнев, имя *М.л.к.ан* следует относить к Мухаммаду б. Насру: на л. ст. одного из ахсикетских дирхемов 415/1024-25 г. под символом веры проставлено *М.л.к.ан*, а над символом стоит *'Айн ад-даула* — лакаб, определенно принадлежавший Мухаммаду.⁴⁰

par la Direction des antiquités et arts. Tunis; Paris, 1925. T. VIII. P. 36—39, pl. IX—XII.

³² Z b i s s S.-M. Corpus des inscriptions arabes de Tunisie. P. 2: Inscriptions de Monastir. Tunis, 1960. Nos. 2, 4, 8—13. 19—23, 32 sq.

³³ L a n c i M. Trattato delle sepolcrali iscrizioni in eufica tamurea e nischia lettera da' maomettani operate. Lucca, 1840. Tab. VP—XIV sq.

³⁴ M e z A. Renesans Islamu / Przeł. J. Danecki. Warszawa, 1980. II. Kolor. 9.

³⁵ S e c c e r a T. O. Metalli islamici. Milano, 1966. P. 21, ill. 7.

³⁶ И а с т и ч В. Н. Поясная накладка из Отрара // Древности Казахстана. Алма-Ата. 1975. С. 97—105.

³⁷ P r i t s a k O. Karahanidische Streitfragen // Oriens. Leiden, 1950. Vol. 3, № 2. P. 225.

³⁸ Ф е д о р о в М. Н. 1) Ферганский клад караханидских дирхемов 1034—1043 гг. // СА. 1968. 3. С. 226; 2) Политическая история Караханидов в конце первой и во второй четверти XI в. // ИЭ. 1974. Т. 11. С. 176.

³⁹ V a s m e r R. Zur Münzkunde der Qaraxaniden // Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen zu Berlin. Berlin, 1930. Bd 32. S. 95—98, 104.

⁴⁰ К о ч н е в Б. Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Ч. 2 (Караханиды) // ИМЭУ. 1979. Вып. 15. С. 121—122.

Когда на раннекараханидских монетах титулатура помещена таким образом, то почти всегда обе ее части принадлежат одному лицу.⁴¹ И какими бы немногочисленными ни были исключения, нет полной гарантии, что данный случай не относится к их числу. Поэтому для доказательства правильности равенства Мухаммад б. Наср—Маликан требуются дополнительные аргументы, которые мы находим в чекане Ферганы. Легенды дирхемов Ахсикета 428—433/1036—1042 гг. и Касана 427/1035—36 и 430—433/1038—1042 гг. упоминают Му'изз ад-давла Малика,⁴² надписи монет Ахсикета 415/1024—25 г. и Касана 423/1031—32 г. — Малика б. Маликана, легенды фельсов Ахсикета 426—427/1034—1036 гг. — Малика б. Сайф ад-давла.⁴³ Нет оснований сомневаться, что за именем Малик во всех этих случаях стоит один правитель, а поскольку лакаб его — Му'изз ад-давла, то он идентичен владельцу, упомянутому в «северной» Варухской надписи (Южная Фергана), изготовленной в 433/1041 г. по распоряжению Му'изз ад-давла 'Аббаса сына Илека сына Насра б. 'Али. Из двух живших в то время сыновей Насра Ибрахим уже был ханом, поэтому титуловаться илеком мог только Мухаммад б. Наср. Значит, Му'изз ад-давла 'Аббас (он же Малик) приходился сыном последнему,⁴⁴ а раз Малик и на монетах, и в средней надписи Шах-Фазила назван сыном Сайф ад-давла (он же Маликан), то последний и есть Мухаммад б. Наср.

Большинство монет Мухаммада б. Насра выпущено в разных городах Ферганы (Ахсикет, Касан, Куба, Маргиан, Рипшан, Уганд) и в Ходжежде между 411/1020—21 и 447/1055—56 гг., а также в Илаке в 415/1024—25 г. и в Орду (?) в неуставленном году.⁴⁵ По свидетельству Ибн ал-Фувати, в 436/1044 г. наряду с Ходжеждем и частью Ферганы он владел Усрушаной.⁴⁶

⁴¹ Кочнев Б. Д. Вопросы атрибуции раннекараханидских монет // Бартольдовские чтения, год седьмой: Тез. докл. и сообщ. М., 1984. С. 46.

⁴² Федоров М. Н. Ферганский клан... С. 221—223.

⁴³ Неизданные монеты Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (г. Москва).

⁴⁴ Кочнев Б. Д. Заметки... Ч. 2. С. 120—122.

⁴⁵ Там же. С. 122—123; Федоров М. Н. Политическая история Караханидов во второй половине XI в. // НЗ. 1980. Т. 13. С. 46—49. Неизданный фельс Касана 430 (?) г. х. с лакабом 'Абду ад-давла, который, скорее всего, тоже принадлежал Мухаммаду б. Насру, найден при раскопках городища Ахикет, производившихся Институтом археологии АН УССР в 1982 г.

⁴⁶ Бунятов В. М. Гарс ан-Ни'ма ас-Саб и Камал ад-дин Ибн Фувати об истории Караханидов // Письменные памятники Востока: Ежегодник. 1974. М., 1981. С. 8.

Как считал О. Прицак, именно Мухаммад б. Наср был первым верховным государем Западнокараханидского каганата; однако Е. А. Давидович убедительно доказала, что до конца жизни он оставался лишь удельным правителем, причем в рамках Восточного, а не Западного каганата, создателем которого был его брат Табач-хан Ибрахим б. Наср.⁴⁷ При всем том Мухаммад б. Наср не принадлежал к числу мелких удельных князей: в своих достаточно обширных владениях он пользовался очень большими правами и значительной самостоятельностью — вплоть до того, что иногда выпускал серебряные монеты без упоминания сюзерена. По данным Абу-л-Фадла Байхаки, в 431/1040 г. о дандианской победе над Газнавидом Мас'удом Сельджукиды официально известили не только туркестанских ханов и владевших Мавераннахром сыновей 'Али-тегина, но и 'Айн ад-давла.⁴⁸ т. е. Мухаммада б. Насра. Из этого с очевидностью следует, что Мухаммад (Маликан) хотя и обладал не самым высоким в официальной караханидской иерархии титулом илека, однако, будучи в течение продолжительного времени владельцем крупного удела, являл собой реальную и значительную политическую (а судя по наличию в лакабе слова *Сайф 'меч'*, возможно, и военную⁴⁹) силу, с которой считались и соседи Караханидов.

Таким образом, караханидские монеты третьего-шестого десятилетия XI в. определенно и однозначно свидетельствуют о том, что упомянутые в надписях Шах-Фазила имена и титулы принадлежат одному из правителей Ферганы, илеку Мухаммаду б. Насру, носившему другое имя — Маликан — и лакаб (среди прочих) Сайф ад-давла, и его сыну Му'изз ад-давла 'Аббасу (Малику). очевидно, унаследовавшему от отца власть в Фергана.

Нумизматические данные помогают и в решении вопроса о времени постройки Шах-Фазила. Это произошло не ранее 447/1055—56 г. (дата позднейшей из известных монет, чеканенных от имени Маликана — Мухаммада), но еще при жизни Малика, по приказу которого, возможно, был возведен мавзолей.

Малик б. Маликан упоминается на монетах уже в 415/1024—25 г. На дирхемах 417/1026—27 г. его имя сопровождается лакабом Му'изз ад-давла (который, судя по надписи Шах-Фазила,

⁴⁷ Давидович Е. А. О двух караханидских каганатах // НАА. 1968. 1. С. 69—74.

⁴⁸ Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда (1030—1041)/Пер. с перс., введ., компет. и прилож. А. К. Арсенца. 2-е изд. М., 1969. С. 763.

⁴⁹ Ср.: Крачковская В. А. Дополнения к чтению надписи Манас Гумбеза на реке Талас // Семиретские языки. М., 1965. Вып. 2, ч. 2. С. 690.

принадлежал ему все эти годы), а на монетах 418/1027-28 г. Малик назван *الامير العادل* — «амиром справедливым». Эти данные достаточно определенно говорят о том, что к тому времени он по крайней мере вышел из детского возраста и к моменту смерти отца ему было уже далеко за сорок. Следовательно, возраст самого Маликана, хотя он и назван в эпитафии *джаван* (см. комм. «б»), наверняка превышал 60 лет, а может быть, и приближался к 70.

По сведениям письменных источников, подтверждаемым монетными данными, в 448/1056-57 г. в государстве Караханидов произошла междоусобная война, в результате которой глава восточной части каганата Арслан-хан Сулайман б. Йусуф был взят в плен своим братом и соправителем Бугра-ханом Мухаммадом б. Йусуфом, к которому перешли его владения, в том числе и ферганские.⁵⁰ Если учесть, что илек Мухаммад б. Наср (Маликан) был вассалом Арслан-хана, а термин *шахид*, несколько раз упоминаемый в надписях мавзолея, недвусмысленно намекает на преждевременную даже для его преклонного возраста и, следовательно, насильственную смерть, то мы вправе предположить, что он, возможно, принял участие в этих военных действиях на стороне своего сюзерена и погиб в том же 448/1056-57 г. Так или иначе, все говорит за то, что год смерти Сайф-и давлат Маликана должен быть максимально близок дате его последних монет.

Мы не видим оснований относить слитком далеко от этой даты и время постройки мавзолея. В самом факте его сооружения, на наш взгляд, кроется определенная политическая цель, побудившая сына увековечить таким образом память об отце еще на глазах у его современников: на это ясно указывает как последняя фраза верхней надписи, так и содержание (вкуче с внешними данными) средней надписи с именем Му'изз [ад-давла] Малика, доминирующей в декоре интерьера и первой привлекающей к себе внимание посетителей мавзолея. Впрочем, возведение здания усыпальницы могло начаться (как это часто делалось на средневековом Востоке) еще при жизни Мухаммада б. Насра, а сын его позднее распорядился только об изготовлении надписи в интерьере; такой вариант дает еще меньше оснований отдалять срок завершения мавзолея от момента кончины и погребения того, кому он был предназначен.

К тому же выводу склоняет и анализ нумизматических материалов. Монеты, определенно чеканенные Му'изз ад-давла Маликом

(= 'Аббасом б. Мухаммадом), доходят до 433/1041-42 г., этим же годом датирована Варухская надпись с его именем. Поэтому М. Н. Федоров не исключал возможности гибели 'Аббаса именно в этом году;⁵¹ однако, как показывает анализ публикуемых надписей Шах-Фазила, он оставался владельцем какой-то части Ферганы еще по крайней мере 14 лет. На многочисленных дирхемах ферганских городов 440-х гг. х. мы находим титулы многих удельных правителей, но далеко не все они идентифицированы, и вполне вероятно, что какие-то из них принадлежали 'Аббасу.

Упомянутой выше междоусобицей, начавшейся в 448/1056-57 г. в Восточном каганате, куда входила и Фергана, воспользовался западнокараханидский государь Ибрахим б. Наср, родной брат Мухаммада-Маликана: судя по монетам, не позже 451/1059-60 г. он занял и присоединил к своим владениям Ферганскую долину.⁵² Если монетный чекан восточных Караханидов второй—начала третьей четверти XI в. демонстрирует торжество удельной стихии, то Ибрахим в своем государстве стремился к централизации.⁵³ Правда, уделы были и при нем, но число их заметно сократилось. Так, в Фергане вместо нескольких удельных правителей мы теперь видим только одного — Куч-тегина Дауда (сына Ибрахима), упоминаемого в надписях дирхемов Узгенда.⁵⁴ Скорее всего, прежние владельцы отдельных округов и городов Ферганы при Ибрахиме б. Насре утратили свои владения. И если 'Аббас б. Мухаммад к тому времени был еще жив и сидел в Фергане, то и он должен был разделить их судьбу, хотя и приходился Ибрахиму племянником. Поскольку это могло произойти не позднее 451/1059-60 г., то очень маловероятно, чтобы после этого у 'Аббаса оставалась реальная возможность продолжать строительство мавзолея, если он к тому времени еще не был завершен.

⁵¹ Федоров М. Н. Политическая история Караханидов во второй половине XI в. С. 51.

⁵² Там же. С. 43.

⁵³ Давидович Е. А. О двух караханидских каганатах. С. 74—75.

⁵⁴ Федоров М. Н. Политическая история Караханидов во второй половине XI в. С. 43—44. Правда, сам М. Н. Федоров (с. 44) считал, что у Ибрахима были в Фергане и другие вассалы — Инал-тегин в Ахсиенте и, возможно, Кич-хан в Маргинане. В первом случае он опирается на монеты Нижнеирского клада (г. Ташкент, Музей истории народов Узбекистана, инв. № КП 280), в котором на самом деле ахсиентский чекан отсутствует. На дирхемах же Маргинана вместо *قلمچ* 'Кич' следует читать *قلمچ* *fatm* (букв. 'победа'), а помещенный на них титул *хан* относится к Ибрахиму, упомянутому здесь как *Хан Малик ал-Маширик*.

⁵⁰ Кочнев Б. Д., Федоров М. Н. Два клада караханидских дирхемов середины XI в. из Киргизии // ИР. 1974. Т. 11. С. 192—194.

Как бы то ни было, по всем объективным данным (содержание надписей, нумизматические свидетельства и пр.), сооружение мавзолея Шах-Фазил, безусловно, относится к третьей четверти XI в. Принимая же во внимание изложенные соображения, мы считаем возможным датировать его еще точнее: в любом случае не ранее 447/1055-56 г. и не позднее 451/1059-60 г.

Эпиграфика мавзолея донесла до нас отголоски сложной этнокультурной ситуации в Фергане при Караханидах. Тюркское происхождение правящей династии отразилось лишь в некоторых понятиях и реалиях в тексте, переданных посредством арабско-персидской лексики (ср. комм. «з» и «и»). Нет оснований считать собственно тюркскими и имена *Маликан* и *Малик*, хотя последнее, по свидетельствам разных источников, было достаточно широко распространено в тюрко-монгольской ономатике средневековья, а в нашем случае эти два имени противопоставлены (судя по монетным данным) мусульманским *Мухаммад* и *Аббас*. Впрочем, вопрос об этих двойных именах пока остается открытым из-за неясности существа и причин такого любопытного явления. С другой стороны, примечательно и подчиненное положение религиозных цитат и инвокаций на арабском языке, играющих в информационной нагрузке декора вспомогательную роль, при абсолютном преобладании в этом отношении персоязычных эпитафийных надписей. В отличие от подавляющего большинства памятников мусульманской архитектуры всех времен, в том числе и на территории Ирана и Средней Азии, эпиграфический репертуар которых представлен почти исключительно арабскими текстами, отмеченная особенность, наиболее ярко выраженная в Шах-Фазиле, свойственна, кроме него, пожалуй, лишь мавзолею Хусайна б. Хасана 547/1152 г. в Угтенде, где персидскому языку также отдано безусловное предпочтение перед арабским в наиболее важной информативной части.⁵⁵ Это красноречиво свидетельствует о том, каким языком реально пользовалась основная масса жителей Ферганы в домонгольскую эпоху, об очевидном приоритете персидского языка во всех сферах, не исключая и религиозно-обрядовой.⁵⁶ и еще раз подтверждает наши наблю-

⁵⁵ См.: Якубовский А. Ю. Две надписи на Северном мавзолее 1152 г. в Угтенде // ВВ. 1947. I. С. 27—32.

⁵⁶ Ср. замечание Н. Пельо о том, что персидский язык в средневековье, даже при безусловном первенстве арабского в идеологической сфере мусульманского мира, служил своеобразным *lingua franca* в странах Центральной и Восточной Азии, а в качестве «коммерческого языка» даже на Дальнем Востоке (со ссылкой на Марко Поло): Pelliot P. Les plus anciens monuments de l'écriture arabe en Chine // JA. 11me sér. Paris, 1913. T. 2. juillet—août. P. 185.

дения и выводы (по эпитафиям XII—XV вв.⁵⁷) о слабом проникновении арабского языка в обиход жителей Средней Азии. А это в свою очередь могло бы служить еще одним аргументом в пользу тезиса о том, что в духовной культуре многоплеменной средневековой Ферганы ортодоксальная исламская идеология не занимала исключительного места.

Очевидно, надписи мавзолея могли бы прояснить вопрос и о происхождении его названия, которое местные предания связывают с мифическим арабским военачальником Шах-Фазилом. Нам представляется, что в первой части этого сложного имени народная память сохранила просто намек на высокий ранг похороненного здесь правителя.⁵⁸ Что касается его второй части, то это слово могло быть «заимствовано» в название постройке из северо-западной четверти средней надписи, где оно заметно выделяется своими очертаниями в неясном из-за дефектности контексте — в группе *بخش جويش*

آفند... — «его своим достоинством в собственном дворце...» (рис. 2, 2). Сложность куфического письма, состоящая прежде всего в отсутствии диакритики и разделов между словами, легко могла привести местных грамотеев к чтению *фазил* — «этот фазил»⁵⁹ (от араб. *faḍl* 'достоинство, честь; превосходство'; в форме прилагательного *faḍīl* имеет значение 'достойный, превосходный', в частности как эпитет ученого, в том числе и в традиционном мусульманском понимании), а богатая народная фантазия, подпитанная уже неопределенными к тому времени историческими реминисценциями, связала два титула в одно имя, снабдив его соответствующей легендой.

Впрочем, это всего лишь гипотеза, основанная на сочетании формальных данных. В целом же мавзолей Шах-Фазил — усыпальница

⁵⁷ Настич В. В. Погребальная эпиграфика арабского письма как источник по средневековой истории Киргизии и Южного Казахстана // Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока. М., 1984. С. 165—166.

⁵⁸ Перс. *шах* является полным эквивалентом семитского *малик*: еще в пехлевийских текстах и на монетах Сасанидов титул *šāhanshāh* передавался арамейской идеограммой MLK'n MLK'.

⁵⁹ Очень возможно, что шахфазилские средние надписи являлись позднее одним из «источников» для изготовления надписей над входом в мавзолей Ходжами Кабра в Намангане (XVIII в.), начинающейся этим же словом и именно в такой форме, почти полностью повторяя его куфическую графику и даже дополнительные декоративные значки. См.: Репель Л. И. Архитектурный орнамент Узбекистана: История развития и теория построения. Ташкент, 1961. С. 362, рис. 169/2.

караханидского илека Мухаммада б. Насра, построенная в третьей четверти XI в., — является одним из интереснейших архитектурных сооружений Средней Азии эпохи феодализма

и таит в себе еще много ценной исторической информации, раскрыть которую поможет его дальнейшее комплексное исследование.

V. N. Nastich, B. D. Kochnev

ABOUT THE ATTRIBUTION OF MAUSOLEUM SHAH-FAZIL

(epigraphical and numismatical data) ‡

This is a publication of two inscriptions from Shah-Fazil mausoleum in Gulistan (former Safid-Bulan, Ferghana) with the names of entombed here Sayf ad-dawlat Malikan and his son Mu'izz ad-dawla. Numismatical data helps the authors to identify the first with ilek Muhammad b. Nasr and the second with Mu'izz ad-dawla Abbas who are mentioned in the north Varukh inscription of 433/1041 and to date the mausoleum between 447/1055-56 and 451/1059-60.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ИСТОРИИ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ
ПРИ ПРЕЗИДИУМЕ АН СССР

СУФИЗМ
в контексте
мусульманской
культуры

Москва
«НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
1989

ББК 87.3+87.8
С 90

Редакционная коллегия:

О. Ф. АКИМУШКИН, В. И. БРАГИНСКИЙ,
Т. А. ДЕНИСОВА (секретарь редколлегии), **Ш. М. ШУКУРОВ.**

Ответственный редактор
и автор Введения

Н. И. ПРИГАРИНА

Рецензенты:

А. Б. КУДЕЛИН, А. А. СУВОРОВА

Редактор издательства

А. А. КОЖУХОВСКАЯ

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
АН СССР

Суфизм в контексте мусульманской культуры.—
С 90 М.: Наука. Главная редакция восточной литерату-
ры, 1989.— 341 с.
ISBN 5-02-016695-2

В книге освещается воздействие суфийского учения и практики на формирование основных культурологических моделей мусульманского мира. На обширном материале показано влияние суфизма на различные области духовной и художественной деятельности мусульман: философию, литературу, искусство, музыку. Впервые публикуются переводы на русский язык некоторых философско-доктринальных суфийских текстов, вводится в научный оборот новый оригинальный материал.

С 0301030000-099
013(02)-89 **КБ-46-1-88**

ББК 87.3+87.8*

ISBN 5-02-016695-2

© Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука», 1989

В. Н. Настич

ШАХ-ФАЗИЛ: МАВЗОЛЕЙ ИЛИ СУФИЙСКАЯ ХАНАКА?

(О достоверности типологической атрибуции архитектурных сооружений по данным эпиграфики)¹

Одним из малоизученных вопросов среднеазиатской истории является вопрос о том, в каких постройках обитали в средние века суфии, что из себя представляют дервишские «общежития» (*ханака*) и отсюда — какие из архитектурных сооружений древности и на каком основании можно считать суфийскими по принадлежности и первоначальному назначению.

В некоторых письменных источниках сохранились краткие сообщения о постройках «гостиничного типа» (*зāвийа*, *саума'а*, *хāнака*[х] или *хāнагāх*, *такййа* и т. д.), частично подтверждаемые археологическими данными, которые с определенной долей вероятности можно связать с бытованием в городах и поселениях Мавераннахра суфийских общин. Не вдаваясь в подробный обзор этих данных, выходящий за пределы статьи и тематически и по объему, укажу лишь на одну из последних и наиболее компетентных работ, в которой они приведены с достаточной, на мой взгляд, полнотой [12, с. 125—132] и сопровождаются важным для нас выводом о том, что «мы мало что знаем об архитектурном облике домонгольских ханака, которые не дошли до нашего времени (здесь и ниже в цитатах разрядка моя.— В. Н.)» [12, с. 130].

На северо-восточной окраине селения Гулистан (Ошская обл. Киргизской ССР, примерно в 50 км к северу от г. Намангана; прежнее название — Мазар, исторические — Испид-Булан, Сафид-Булан) находится обширное древнее кладбище, на котором стоит хорошо сохранившаяся постройка, называемая местными жителями Шах-Фазил. Эту постройку, интересную во многих отношениях и известную в науке с конца прошлого века, большинство исследователей обоснованно считают мавзолеем. Судя по некоторым данным (наличие на территории кладбища надгробных памятников с надписями суфийского содержания [5, с. 13—15], поздние граффити на стенах здания [4, с. 72; 3, с. 135], связанные с ним легенды и верования местных жителей [14, с. 50—51; 8, с. 108—110; 3, с. 116—120] и т. п.), до сравнительно недавних времен здесь существовал религиозный культ, связанный с деятельностью суфийского сект. Эти соображения позволили некоторым ученым, в частности М. Е. Мас-сону и вслед за ним В. Д. Горячевой [3, с. 132—134], видеть в

этой постройке наряду с мавзолеем еще и ханаку — обитель для суфиев.

Важным, если не решающим основанием для такого определения, судя по приводимым аргументам, явилось частичное прочтение украшающих интерьер Шах-Фазила оригинальных куфических надписей. «По разрозненным фотографиям, сделанным в 1951 г. Е. Н. Юдицким, — пишет В. Д. Горячева, — М. Е. Массону удалось рассмотреть лишь отдельные слова, а именно „шахид“ (мученик за веру), „скорбь“ и „плач“, „ханака“, каковым термином, видимо, именовался памятник в момент его создания» [3, с. 132]. Далее в цитируемой работе подробно разбираются соображения, «работающие» на эту последнюю версию, и, хотя в конечном счете автор говорит о том, что «до полного прочтения надписей мавзолея Шах-Фазиль вопрос о названии постройки остается открытым» [3, с. 134], позиция ее в данном вопросе воспринимается однозначно: это и мавзолей, и суфийская ханака. Добавим, кстати, что до сих пор не была решена проблема принадлежности (так сказать, хозяина) этого погребального сооружения, а предлагаемые датировки колебались между XI и XIV вв. и что лишь в последнее время наметилась тенденция к предпочтительному отнесению его к первой половине или середине XII в. [3, с. 132].

Между тем, как удалось установить в результате хотя и неполного (из-за дефектности внутренней облицовки), но достаточно связанного прочтения основных исторических надписей в интерьере мавзолея Шах-Фазил², ни эпиграфика, ни архитектурные особенности этого сооружения не дают оснований считать, что оно строилось и как дервишское «общезитие».

Верхний из трех эпиграфических поясов интерьера, расположенный по периметру восьмерика, поддерживающего купол постройки, и наиболее полно сохранившийся, содержит чисто эпитафийный текст на персидском языке. Он посвящен конкретному лицу, напрямую поименованному в надписи. А в начале среднего пояса с крупной рельефной надписью куфи сохранилось и упоминание о заказчике — если и не всей постройки, то по крайней мере надписей на ее стенах, что в нашем случае практически равнозначно³. Верхняя надпись гласит:

«Это обитель (*джайгāх*)⁴ доблестного мужа по имени Сайф-и давлат Маликāн, который был великодушным человеком (*рӯдмард*) и [за это] приобрел славное имя. Пока он был жив, счастье (*давлат*) и праведные деяния (*кардār-и ҳаққ*) сияли над ним, как солнце над всем миром. Когда же он пресытился [этим] бранным миром, стал мучеником (*шахид*), не остался бранным (*фāнӣ намāнд*) и поспешил уйти в царство вечности. Из глаз людей текут слезы с тех пор, как он (?) стал мучеником и отвратил лик от друзей (*дӯстāн*). Власть [принадлежит] Аллāху».

Перевод начала средней надписи:

«Это доблестный муж по имени Му'изз[-и] ...[в]л (слово по-

вреждено.— В. Н.) Малик, сын Сайф-и давлата — того повелителя (*mīr*) и мученика, приказал, чтобы осталась память (*aṣār*) о (?)⁵...».

Содержащиеся в надписях имена (вернее, лакабы — распространенные у мусульман почетные прозвища, часто полностью заменяющие в обиходе личные имена и в определенной степени отражающие социально-иерархический статус их носителей) по рукописным источникам в приведенной форме неизвестны. На вопрос, кто скрывается за этими лакабами, отвечают только караханидские монеты третьего-шестого десятилетий XI в. да еще один эпиграфический памятник — так называемая Северная Варухская надпись [2, с. 309—310; 9, с. 114—119], высеченная на скале в верхнем течении р. Исфары (юго-запад Ферганской долины).

Сайф-и давлат Маликан — один из правителей Ферганы, илек Сайф ад-давла Мухаммад б. Наср; известные монеты с его именем и многочисленными лакабами в разных сочетаниях, включая и приведенные в эпитафии Шах-Фазила, отчеканены между 411/1020-21 и 447/1055-56 гг. [7, с. 122—123].

Под вторым «набором» лакабов из средней надписи мавзолея, следовательно, подразумевается сын Мухаммада б. Насра — Му'изз ад-давла 'Аббас (он же Малик б. Маликан), тоже упоминаемый на монетах нескольких ферганских городов с датами от 415/1024-25 до 433/1041-42 гг.

Все эти данные, в свою очередь, указывают на то, что тот же Малик = 'Аббас был заказчиком и на скальной прокламации в Варухском ущелье, датированной 433/1041 г. и высеченной от имени «Му'изз ад-давла Арслан-тегина Абу-л-Фадла ал-'Аббаса сына Му'аййид ал-'адл илека сына амира Насра сына 'Али-хана мученика[...].».

Монетные данные помогают ответить и на второй нерешенный вопрос: когда был построен Шах-Фазил? Хотя точную дату кончины Маликана-Мухаммада установить, вероятно, не удастся, ясно, что это произошло не ранее 447/1055-56 г. (дата позднейшей из известных монет с его именем), но еще при жизни Малика, упомянутого в начале средней надписи мавзолея в качестве распорядителя строительных работ на могиле отца. Кстати, термин «шахид», несколько раз упоминаемый в эпитафии, определенно намекает на факт насильственной смерти «того повелителя и мученика». А сам Му'изз ад-давла 'Аббас мог погибнуть вскоре после того, как его дядя Тамгач-хан Ибрахим б. Наср, выступив против верховного правителя государства Караханидов Бугра-хана Мухаммада б. Йусуфа, занял Фергану и упразднил все уделы, кроме одного, над которым поставил своего сына Кўч-тегина Давуда; монеты датируют эти события 451/1059-60 г. [13, с. 43—44]. Мало вероятно, чтобы после этого 'Аббас б. Мухаммад остался в живых и тем более продолжал постройку мавзолея для своего отца — бывшего правителя области. Но так или иначе, все имеющиеся данные опре-

деленно указывают на то, что Шах-Фазил возведен в третьей четверти XI в.

Итак, надписи рассматриваемого сооружения вкупе с предельно простой планировкой, размерами и пропорциями определенно и однозначно свидетельствуют о его погребально-мемориальном назначении. Слово «ханака», которое видел в неуплотненных надписях Шах-Фазила М. Е. Массон, при близком рассмотрении с учетом всего контекста с гораздо большим основанием должно читаться как *جائگاه* *джайга́х* — «место, обитель» (как и предлагается мною в переводе), в данном случае — «место [упокоения]»⁶. Впрочем, даже если читать его как *خانگاه* *ханага́х* (хотя в те времена уже существовала более привычная форма *خانقاه*), то здесь оно тоже значило бы просто «жилище, обителище» (от перс. *хана* — «дом»), лишь с грустным оттенком «последнего пристанища».

Другими словами, чтение *ханага́х* в эпитафии на мавзолее в принципе возможно, но менее вероятно, чем *джайга́х*, и в любом случае это слово атрибуционно нейтрально и не может восприниматься как суфийский термин. Равным образом несостоятельна версия об ином (кроме погребального) предназначении здания и с точки зрения архитектуры: трудно допустить, чтобы однокамерную постройку, хотя и довольно просторную (около 62 кв. м), но не имеющую даже ниш в стенах, заранее могли планировать под дервишское «общеежитие» (ср. [1, с. 429—434; 10, с. 65]).

Строго говоря, ничто не мешало суфийским радетелям со временем обосноваться в мазаре и использовать его для своих нужд. Учитывая известный размах мистических богоисканий в средневековой Фергане и вообще в Средней Азии, можно полагать, что для своих собраний и радений (*зикров*) суфии использовали любое подходящее помещение. Кроме того, можно не сомневаться в том, что при наличии старой постройки на мусульманском кладбище, почитаемой местным населением, освященной легендами, а главное, не занятой никем, кроме погребенного, личность которого давно забыта (о чем красноречиво говорят те же легенды⁷), безусловное предпочтение отдавалось ей, тем более что мириться с житейскими неудобствами было одним из основных нравственных предписаний *тарикага*. На то, что мавзолеей караханидского илека со временем действительно принял на себя функцию и суфийской обители, ясно указывают многочисленные посетительские надписи и изображения, выцарапанные на его стенах [3, с. 135]. Однако считать, что он строился или хотя бы планировался с подобной целью, нет никаких оснований. Во всяком случае, как мы видели выше, надписи в интерьере Шах-Фазила, относящиеся ко времени его возведения, совершенно однозначно свидетельствуют о первом назначении и так же категорически лишены малейшего намека на второе⁸.

Несколько иначе обстоит дело с известным мавзолеем Хаким-и Тирмизи в старом Термезе, имеющим более сложную конструкцию с явными следами разновременных перестроек (см. [10, с. 46—52]). О прямой связи мазара с деятельностью суфиев говорит уже его название, под которым он вошел в науку и которое восходит к одному из ранних подвижников в среднеазиатском исламе — Абу 'Абдаллаху Мухаммаду б. 'Али ат-Тирмизи (ум. 869 или 898).

По различным данным, в том числе и эпиграфическим, возведение основного помещения древнего мавзолея в комплексе Хаким-и Тирмизи относится, как и Шах-Фазила, к XI в. и тоже связано с династией Караханидов. Богатый, но дефектный репертуар оригинальных архитектурных надписей мавзолея не был подробно исследован и должным образом издан. Тем не менее далеко идущие выводы относительно характера и назначения этого сооружения как в первую очередь суфийского и только потом мемориального [10, с. 64—65, 76—77] были сделаны тоже не без «помощи» частичного разбора отдельных надписей. Например, из кувического фрагмента на внутренней стороне купола Хаким-и Тирмизи, представленного в публикации как не разобранный до конца ... فهم ابو مسو انا حليافي منا, в котором без труда узнается искаженный коранический текст

فهم لا يؤمنون. إنا جعلنا في اعناقهم الخ — «...а они не веруют. Мы поместили на шею у них...» (36:6—7)⁹, механически вычленена лексема *фа-хум* («а они»), трактованная как *фахм* («понимание, ум», «умение») и представленная в качестве суфийского термина, синонимичного «познанию»¹⁰. Правда, автор сам признается, что точный перевод этой «высокопарной фразы общего характера» для него затруднителен, но тут же делает вывод о том, что она «далека от более прямых и решительных формулировок средневековых же мусульманских мистиков, что для людей, познавших бога, нет ничего, кроме бога, и что все есть бог» [10, с. 55] — вывод по меньшей мере странный для того уровня, на котором остался текстологический анализ отрывка.

В другом месте [10, с. 73] приведено чтение части надписи-граффити, в которой предлагается видеть «рабочие пробы мастера» и которая «заключает в себе слова [عاکفت или]

دروند يباد عاکف, говорящие о прилежной еретической бдительности». Даже оставляя в стороне точность и понятность такого перевода (скорее пересказа), его очевидный «суфийский» подтекст можно было бы приветствовать, если бы не одно обстоятельство: слегка изменив расстановку диакритических точек, которые в оригинале, очевидно, отсутствуют, этот фрагмент можно гораздо логичнее и без натяжек прочесть как перс.

درو پدنیا دعا گفت («...о нем в этом мире помолился») — стандартный и идеологически нейтральный конец посетительской надписи. Равным образом не выдерживают внимательного

рассмотрения и другие прямые и завуалированные намеки на возможный суфийский характер тех или иных эпиграфических фрагментов мавзолея, разбросанные по тексту работы и вольно или невольно подталкивающие читателя к заранее предreshенному выводу¹¹.

Иными словами, оставляя более компетентным коллегам решение о том, насколько соответствуют суфийскому назначению архитектурно-строительные особенности всех помещений комплекса Хаким-и Тирмизи, в отношении эпиграфического оформления памятника приходится констатировать, что в его оригинальной части, относящейся ко времени возведения, и даже среди более поздних надписей (по крайней мере в том объеме, в каком это отражено в публикации М. Е. Массона [10]) каких-либо элементов, которые можно уверенно трактовать как суфийские, не обнаруживается¹².

Очевидно, вопросы о том, какие именно постройки изначально принадлежали тем или иным братствам, «любящим Бога», какие обживались ими позднее, а какие вовсе не были и не могли быть их пристанищем, отражаются в эпиграфике далеко не так просто и однозначно, как нам того хотелось бы¹³. Специфика суфийской терминологии, как это давно и хорошо известно, состоит в том, что наиболее глубокий эзотерический смысл часто придается как раз самым общеупотребительным словам, и при желании нетрудно «угадать» мистический подтекст едва ли не в любой фразе из обширного, но не слишком богатого тематически арсенала архитектурных надписей мусульманского средневековья (см. выше, примеч. 8). Поэтому, повторяю, при желании данные эпиграфики, используемые отрывочно, «мимоходом» и без глубокого и строгого анализа, могут увести на ложный путь даже квалифицированного специалиста.

Однако, как бы заманчиво ни выглядело в надписях Шах-Фазила похожее на *ханака* слово خانقا, а в интерьере Хаким-и Тирмизи — «суфийский» термин مدرسه, более внимательное рассмотрение этих памятников заставляет отказаться от их прежних атрибуций как построек, возведенных для суфиев (что, естественно, не исключает их использования в таком качестве впоследствии), и признать, что подлинные открытия памятников суфийской архитектуры домонгольской эпохи в Средней Азии, очевидно, еще впереди.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вторая часть моего доклада «Суфийские элементы в эпиграфике Средней Азии»; текст первой части, посвященной надписям на надгробных камнях, войдет в состав другой работы, готовящейся к изданию.

² Чтение статьи осуществлялось по тем же самым фотографиям, изготовленным Е. Н. Юдиным (ЦГА УзССР, ф. 2406, оп. 1, ед. хр. 1308—1311), отнюдь не разрозненным и вполне качественным. Пользуюсь случаем выразить искреннюю благодарность коллеге из Ташкента Г. А. Джураевой за любезное

содействие в пересъемке фотоматериалов по эпиграфике Шах-Фазила из указанного архивного фонда.

³ Речь может идти о распространенном в древности, причем не только на Востоке, обычае строить усыпальницу для знатного лица еще при его жизни. В данном случае захоронение усопшего могло быть произведено в уже готовом мавзолее, после чего оставалось бы лишь закончить отделку интерьера, включив в нее памятные надписи.

⁴ Здесь и далее транскрипция выделяемых слов дается по академической системе, принятой для передачи текстов на арабском языке и передающей особенности арабской графики, в частности для долгих гласных и дифтонгов, более точно, чем употребляемая в современных персидско-русских словарях.

⁵ Далее часть надписи утрачена полностью, после чего следуют участки со значительной дефектностью, где разбираются отдельные слова или их фрагменты, связное чтение которых, к сожалению, невозможно. Тексты в графике и комментированные переводы обеих надписей опубликованы (см. [11]).

⁶ Кроме самого начала верхней надписи это слово встречается еще раз в дефектной части среднего пояса в сочетании **هر جایگاه** — «любое место» или «всякая обитель» (контекст из-за повреждений несен).

⁷ Местные жители связывают постройку с легендарным правителем, потомком Пророка по имени Хазрат-и Шах-Фазил, якобы освободившим Испид-Булан от «мамайского правителя Карван-Баса»; подробный анализ легенды см. [8, с. 108—110]. Любопытно, что в названии мавзолея, в первой его части (*shāh*), хотя и в завуалированной форме, все же сохранилась информация о том, что похороненный здесь деятель относился к правящей верхушке. Второй компонент (от араб. *faḍl* — «достоинство», «честь», «заслуга», перс.-тадж. *fāzl* — «ученость», «мудрость»), по моему мнению, восходит к сохранившемуся в средней надписи и хорошо заметному в окружении менее выразительных графических элементов словосочетанию **را بفضل خویش** — «...его своим достоинством...», из которого местные грамотеи вполне могли вычленить **انفضا** — «[э]тот *fāzl*» (в народном произношении скорее всего что-то близко к *фазыл*) и таким образом «уточнить» принадлежность сооружения, снабдив его соответствующей легендой.

⁸ Отдельные слова надписи, взятые изолированно, при желании можно было бы трактовать как суфийские термины, например: *кардār-и хаққ* — «праведные деяния» = «дела, угодные Богу» (подразумеваемая под *хаққ* один из синонимов Всевышнего), *малкат-и фāнй* — «бренный мир» и *мулк-и бақъ* — «царство вечности», может быть, даже *дўстāн* — «друзей», если принять *дўст* за синоним *йār* и увидеть в нем, как и в *хаққ*, еще одно скрытое имя Бога. Но такая искусственно притяннутая трактовка будет методически несостоятельной на любом уровне серьезности ее подачи, так как ни контекст, ни общий смысл эпитафии не дают для этого достаточных оснований, скорее наоборот; например, пресыщение «бренным миром» никак не входило в число суфийских добродетелей, и уж вовсе невозможно представить себе, чтобы для мусульманина, а тем более для суфия переход в иной мир сопровождался отвержением лика от Бога.

⁹ Сура «*Йā-sīn*» популярна именно в эпитафиях, поскольку «играет роль отходной и панихидной» (см. [6, с. 596, примеч. 1]).

¹⁰ Кстати, в таком применении *фахм* ни в одном из доступных мне источников или современных трудов по истории суфизма не обнаружено. Нет его и в «Словаре терминов суфизма» [15], содержащем около 800 словарных статей.

¹¹ Это и отдельно взятое **لسم**, переведенное (кстати, непонятно с какого языка) «для примирения» [10, с. 69] и заставляющее вспомнить сказанное на предыдущих страницах о политическом шаге Ахмад-хана по отношению к святыне термезских суфиев [10, с. 68], и перевод слова **بالقسط** как «с несправедливостью» [10, с. 73], который должен быть заменен на противоположный по смыслу; ср. Коран: «...которые стойки в справедливости...» (3:16).

¹² Поскольку речь зашла об эпиграфике мавзолея Хаким-и Тирмизи в це-

лом, позволю себе предложить еще одну поправку — к чтению даты над дверью фасада [10, с. 71]; в предлагаемой прорисовке окончания надписи, учитывая смешанный характер почерка, в котором многие буквы графически искажены, достаточно ясно и без сомнений можно видеть единственную версию даты: [م[ان شهر رمضان سنة [ا[ثني تسعين] [ن] وسبعائة]... — «...месяца рамадана года семьсот девяносто второго» (август — сентябрь 1390 г.).

¹³ Для сравнения можно взять средневековую постройку, правда более позднюю (конец XIV в.), прямая и активная связь которой со среднеазиатским суфизмом неоспорима с любой точки зрения. Речь идет о мавзолее Ходжи Ахмада Ясави в г. Туркестане (Чимкентской обл. Казахской ССР), возведенном над могилой известного суфийского деятеля, проповедника и основателя дервишского братства, названного его именем (*йасавийя*). Огромное сооружение, одно из самых величественных произведений зодчества эпохи Тимура, состоит из множества помещений, среди которых наряду с гурханой (усыпальницей святого ходжи), мечетью, просторным центральным залом для радений — казанлыком и массой других «служебных площадей» имеются многочисленные худжры и ниши в стенах; иными словами, это и стопроцентная *ханака*. Но если мы будем искать в богатейшем (без преувеличения) эпиграфическом убранстве этого архитектурного комплекса элементы чисто суфийского содержания, то нас постигнет неудача: кроме одного-двух традиционных хадисов типа «Кто познал свою душу, тем самым познал своего Господа», которые могли быть взяты на вооружение мистиками, но вовсе не были придуманы специально для декларации их «гносеологических» ценностей, мы найдем все те же общесламские сентенции да поздние граффити, оставленные набожными паломниками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартольд В. В. О погребении Тимура.— Сочинения. Т. 2. Ч. 2. М., 1964, с. 423—454.
2. Бартольд В. В. Текст первой надписи в Варухском ущелье.— Сочинения. Т. 4. М., 1966, с. 309—310.
3. Горячева В. Д. Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии (Бурана, Узген, Сафид-Булан). Фрунзе, 1983.
4. Горячева В. Д., Насиш В. Н. Эпиграфические памятники Сафид-Булана: XII—XIV вв.— ЭВ, 1984, вып. 22, с. 61—72.
5. Дьяконов М. М. Несколько надписей на кайраках из Киргизии.— ЭВ. 1948, вып. 2, с. 9—15.
6. Коран. Пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. 2-е изд. М., 1986.
7. Кочнев Б. Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Ч. 2 (Караханиды).— ИМКУ. 1979, вып. 15, с. 120—138.
8. Кочнев Б. Д. Сказка — ложь, да в ней намек.— Литературный Киргизстан. 1970, № 3, с. 108—110.
9. Литвинский Б. А. Северная надпись в Варухском ущелье (Опыт исторического исследования по данным нумизматики).— КСИИМК. 1956, вып. 61, с. 114—119.
10. Массон М. Е. Надписи на штурге из архитектурного ансамбля у мавзолея Хаким-и Тармизи.— Труды ТашГУ, 1960, вып. 172. Археология Средней Азии, кн. 5, с. 44—80.
11. Насиш В. Н., Кочнев Б. Д. К атрибуции мавзолея Шах-Фазил (Эпиграфические и нумизматические данные).— ЭВ. 1988, вып. 24.
12. Немцева Н. Б. Медресе Тамгач Богра-хана в Самарканде (Из археологических работ в ансамбле Шахи-Зинда).— Афраснаб. Таш., 1974, вып. 3, с. 99—144.
13. Федоров М. Н. Политическая история Караханидов во второй половине XI в.— НЭ. 1980, т. 13, с. 38—57.
14. Щербина-Крамаренко Н. По мусульманским святыням Средней Азии (Путевые заметки и впечатления).— Справочная книжка Самаркандской области. Самарканд, 1896, вып. 4, отд. 4, с. 45—61.
15. ал-Хифни 'Абд ал-Мун'им. Муджам мусталахат ас-сүфийа. Бейрут, 1980..